

1. Многие потомки хотели бы знать больше информации о своих предках, но беда в том, что этой информации предки о себе не оставляют. Завидую тем, кто с давних времён ведёт родословную о своём роде из поколения в поколение. Я не историк и не библиограф, и, тем более, не журналист, хочу простыми словами выразить информацию о старшем поколении и о себе чисто субъективно, как сохранила моя память и понимание происходящих событий во время моего детства и до сегодняшнего дня. Точкой отсчета я беру своего дедушку.

Мой дедушка Захарий Яковлевич Чуприн родился в 1858 году в семье крепостного мужика... Харьковской области (губернии) в селе Грушеваха. В 1861 году было отменено крепостное право в царской России и поэтому детство и юношество его проходило в более приятное время, чем при крепостном праве, вернее, бесправии. Обзавёлся семьёй, отделился от отца, получил свою долю земли. Но этого клочка земли не хватало, чтобы обеспечить семью хотя бы скудным пропитанием. Земля давалась только на мужчин, а у него в семье были только девочки. И только потом родился мальчик, которого называли Филиппом. С появлением сына Филиппа прибавился один пай земли, но и семья за счёт трёх девочек тоже увеличилась, и опять земельный надел не мог обеспечить семью хлебом. Что-то надо было делать... Прошёл слух, что

Был Дедушка мой Захарий Яковлевич, как я помню, был небольшого роста, коренастый, *у него* белая окладистая борода, серьёзный взгляд, крутой нрав, немногословен. В разговоре использовал много пословиц и афоризмов. Не помню, чтобы он когда-либо болел.

Бабушка моя Марфа Ермолаевна, как я её помню, тоже до самой старости не болела, и, несмотря на нечеловеческие трудности, на её пути, она прожила более 80 лет. Ростом была не высокая, стройная и, наверно, в молодости была истинно красивой. Много нам, внукам, рассказывала о своей жизни в семье, о своих детях и о том, что такое крепостное право России. Оно было отменено в 1861 году юридически, а на практике продолжалось ещё долгие годы. Это ярко и полно описано Пушкиным в повести "Дубровский". Таких Троекуровых в России было превеликое множество. Помещик мог отдать невесту своего поместья замуж за кого он хочет, против её воли, а жениха отдать в солдаты на 25 лет... Он может свободно продать деревню другому помещику или просто проиграть в карты с землёй и людьми, живущими на ней. Это всё есть личная собственность помещика!..

Слухи о более лучших местах, где можно приобрести больше земли, чтобы лучше жить, подтвердились ходами из Саратовской губернии. Харьковские мужики из сёл Камышевахи и Грушевахи твёрдо решили переехать на целинные земли. С ними вместе переехала и семья Чуприна Захара Яковлевича. Получили участок земли, стали обрабатывать её, строить жильё из самана (глиняные кирпичи) для семьи и скота. Назвали это село Бобринка по имени старосты соседнего села, который во всём помогал харьковским новосёлам. И так в 1901 году в новом селе Бобринка появилась новая семья Чуприна Захария Яковлевича, в составе которой было три девочки и один мальчик, Филипп Захарович, всего шесть человек.

Теперь перейдём к другой семье, построившейся по соседству. Это мой дедушка и

мамин отец, Евдоким Агапович Кудиев. Родился он в 1863 году в соседней деревне, тоже Харьковской губернии. Отец его (т. е. мой прадед) Агапий занимался крестьянской работой и ещё прирабатывал подрядом - возил товары с соседнего города для лавочника Соломоника, который торговал в этой же деревне разными товарами. Мало кто называл его по имени Соломон, а больше называли - дядя Соломка. Так они жили и дружили, оказывая друг другу помощь.

Дядя Соломка торговал, а значит, был больше дома, Агапий часто отлучался и этим зарабатывал неплохо.

Был он мужик крупного телосложения, медлительный в движениях и мышлении. Дядя Соломка был щуплый, небольшого роста, юркий, изворотливый и хитрый. Он хорошо знал своё торговое дело. Он любил маленького Евдокимку, баловал сладостями, учил его не только грамоте, но и некоторым хитростям жизни, что очень пригодилось Евдокимке в его дальнейшей жизни. Он скопировал с дяди Соломки не только походку, вежливое обращение с людьми, но и мелкие житейские хитрости. Недаром его иногда называли не Евдоким Агапович, а Евдоким Соломонович! Да и роста он, как я помню, был среднего, очень подвижный, борода клином, усов не было. А вот младший брат, Роман Агапович, был очень рослый, таких рекрутов раньше брали служить на флоте. Но взяли его в пехоту в 1904 году, и служил он на Дальнем Востоке, воевал за города Мукден, Порт-Артур. Дальний и вернулся с войны без ноги. Ходил на деревянной клюшке по деревне медленно и болезненно.

Евдоким Агапович вырос, женился, и так же с семьёй обрабатывал землю, и также, как отец, занимался подрядом. Набирал у своих односельчан, также и в соседних сёлах сукно, вытканное людьми, и отвозил на сукновалочный пункт на водяной плотине. Там сукно уваливали на специальных аппаратах - машинах, он оплачивал за работу хозяину сукновалки и развозил по адресам. От сдатчиков получал деньги за работу по доваливанию сукна. Это приносило дедушке хорошую прибыль. Люди из этого сукна шили различную одежду для себя: пиджаки, пальто, свитки-чапаны (как у гоголевских героев повестей и романов).

Но одному дедушке справиться с этой работой было нелегко и надёжным помощником ему была 7-8 летняя дочь Фёкла. Она и сторожила сукна на возу, и пасла волов на стоянке и отдыхе, была помощником и советчиком в других более сложных ситуациях. Это она сама рассказывала мне много раз об этом.

И всё-таки, как я писал выше, Евдоким Агапович уехал с харьковщины в Саратовскую губернию в село Бобринка примерно в 1901 году. К этому времени семья его состояла из девяти человек - пять девочек и два мальчика, вот и попробуй прокормить такую семью. А землю дают только на мужские души - значит только на троих. Но вскоре выходит замуж Фёкла Евдокимовна (это моя мать) за Чуприна Филиппа Захаровича. К тому же и поселились рядом, т. е. были соседями.

Время шло своим чередом. Малые подрастали, а старые старились, из бедности так и не выбрались. Очень мало земли, особенно у трёх семей, где мало мальчиков и много девочек. Вот и ждут родители, чтобы скорее выдать замуж дочерей. Но из бедных семей брать замуж не очень торопятся, выбирают кто побогаче, а значит и умнее ... Так раньше считали старики. Если семья жениха бедная, значит и жених, и отец его либо лодырь, либо выпивоха - так рассуждали предки наши.

В семье Кудиевых ещё оставались дочери Анна, Марьяна, Федосия, Поля и два сына Фёдор и Макар.

В 1910 году по Закону министра Столыпина можно было приобрести землю на "отрубках", то есть можно взять землю у государства на льготных условиях отдельно от села, там же строиться и жить на своём участке земли. Евдоким Агапович ухватился за эту спасательную ниточку (так он думал) и приобрел себе участок земли в степи, но с небольшим прудом. Вот где райский уголок, думал он, ехать в поле не надо, оно вокруг дома, на нём пасётся скот, в пруду сазаны и прочая рыба! Чем не рай и, не где-то в потустороннем мире, а на земле, работой хоть день и ночь, хватало б только сил.

Поначалу жили в землянке, но потом стали быстро богатеть. Построили дом, сарай,

амбары и не аби-какие, а рубленые, деревянные. Город был вьки от усадьбы, мо

землянку в Бобринке не спешил ломать.

На новых, целинных, землях урожаи пшеницы были чудесные. Всё больше распахивалось земли, всё больше получали пшеницы и овса. Дед Евдоким не давал отдыха ни дочерям, ни сыновьям, спать было некогда, спешил сам и торопил своих домочадцев. Одна мысль подгоняла и торопила: «Скорее богатеть!» Планировал дед купить ещё один участок земли и тоже построить там пруд для сына Фёдора Евдокимовича. Младший сын Макар должен был жить с дедом.

Но давайте на время оставим дедушку Евдокима, не будем ему мешать выполнить заветную мечту - БОГАТЕТЬ!

Посмотрим, как живёт семья Чуприна Захария Яковлевича в новой деревне Бобринке.

Построили саманные постройки для себя и своего скота, приобрели сельхозинвентарь, но уже земли стало не хватать, однако на "отруба" идти почему-то побоялись, да и жаль оставлять саманки, сколько адского труда это всё стоило, чтобы довести до ума, построить всё своими руками и всё бросить?

Но деньги всё же копили. И очень завидовали своему свату Евдокиму Агаповичу! Ведь он теперь живёт в раю. Хотя день и ночь работает, зато богатеет. Дочерей отдавать замуж не торопится, женихам отказывает, успеют ещё. "А работать кто будет?" - ворчал отец на дочерей. И так, у Чуприных за это время меняется состав семьи: у Филиппа Захаровича и Фёклы Евдокимовны родилась дочь в 1909 году Мария, в 1911 году родился сын Иван.

Захар Яковлевич выдаёт замуж дочерей Татьяну и Улиту, а третья дочь Мария выходить замуж по принуждению за нелюбимого ею человека наотрез отказалась. Отец долго убеждал ее в том, что понравившийся ей парень беден, из ленивой семьи, да еще и любит выпить. Что с ним она никогда не станет богатой. И вот, когда убедить дочь подчиниться его воле по доброму не удалось, когда попытки заставить ее подчиниться через грубость и побои ничего не дали, - отец, Захар Яковлевич, велел Филиппу Захаровичу, своему сыну, запрячь лошадей и отвезти сестру Марию в монастырь. Так, не уступив и не согласившись с волей родителей, требовавших от нее согласия выйти замуж за обеспеченного но не любимого ею человека, Мария Захаровна, в наказание, была отправлена в монастырь и стала на всю жизнь монашкой.

Жила моя крёстная тётя Мария Захаровна в монастыре, там работала, там молилась богу до тех пор, пока в 1918 году все монастыри были разогнаны, монастырское имущество и земля перешли государству, а монашки разбежались кто куда. Пришла домой и Мария Захаровна. Стала работать на равных, а по воскресениям ходила молиться в церковь. Работать она умела и в поле, и дома. За скотом тоже могла ухаживать, словом, выгодная работница в семье, монашка, Марья Захаровна.

Забегая наперёд, скажу, что она уехала в Куйбышевскую область и там похоронила мать Марфу Ермолаевну. Умерла и сама в преклонном возрасте, отравившись угарным газом в своей хатенке, в одиночестве. Но это всё потом, впереди, а пока она живёт в семье Чуприных, здесь же отец, мать, брат с семьёй, помогает богатеть и радоваться результатами своего труда. В то же время моя тётя по-прежнему ходит в соседнее село Шалашиха в церковь и усердно молится Богу, выполняет церковные поручения, печёт просвирки для выполнения церковных обрядов причастия и исповеди ...

Приходилось и мне исповедываться у попа. Происходит этот церковный обряд так: накрывает поп тебя передником ризы и спрашивает: «Чем грешен отрок?, что сотворил плохого?, чем кого огорчил родных или близких, или вообще кого-нибудь?, где и когда что украл? у кого?, с кем поссорился?» и пр. В чём признаешься попу, то он просит Бога чтобы Бог простил все эти прегрешения, в каких признался, а в чём не признался, то они так и остаются за тобой не прощенными грехами. Поп даёт причастие - кусочек с воробьиный носочек просвирки (хлебца) и чайную ложечку кагора, независимо от возраста. Хлеб - это тело, а вино - это кровь Господняя. Эта процедура и называется причастие божьего раба Алексея. Господи, прости грехи его. Всё это делается торжественно, под аккомпанимент церковного хора, которым руководила и участвовала моя крёстная Мария Захаровна Чуприна. Видимо в этом она находила душевное утешение о безвозвратно утерянном в своей жизни с молодых лет. Она хорошо читала церковные книги: Библию, Житие святых, псалмы и церковные

молитвенники, как на старославянском шрифте, так и на "Кириллице". Я же, в то время, мог с трудом прочитать лишь название книги "Житие святых". В церковь ходил частенько и всегда удивлялся - почему там так хорошо звучит песнопение и батюшки и певчего хора? И до конца так и не нашёл ответа в этом церковном таинстве...

Пора вернуться на отруб к деду Кудею. Он, со своими домочадцами, продолжал обустраиваться. Между тем уже ходили слухи о неминуемой революции. Слухи превратились в реальность, в феврале 1917 года царь Николай II отрёкся от престола и власть в России перешла Временному правительству во главе с Керенским, однако это мало что изменило в России.

События, происшедшие 7 (25 октября) ноября, в корне изменили существовавшие доселе порядок и уклад жизни людей. С этого времени в стране пошло такое движение, которое возможно сравнить с картиной при наблюдении разрушенного громадного муравейника, где трудно и даже невозможно усмотреть и осознать системность и направление движения обитателей этого муравейника. Начали устанавливаться новые порядки, в сёлах отбирать помещичьи усадьбы, в городе национализировались заводы и фабрики, банки и прочие мелкие предприятия, хозяева подвергались репрессиям, кто мог, убегали за границу, это и была ожидаемая революция!

Была объявлена жестокая война всем, кто сопротивлялся новой народной власти, и она прошла смертоносной волной по всей стране. По всем городам и сёлам, аулам и кишлакам полилась людская кровушка не ручейками, а рекой полноводной, и в этой реке смешалась кровушка и правых и виноватых, в чём трудно разобраться и по сей день...

На помощь буржуазному правительству пришли иные государства силою оружия, но народные массы под руководством новой власти (Советов) и партии большевиков, имевшей тогда огромный авторитет, победил всех и всяких.

Сама революция, имея ввиду открытые фронтовые бои, шла в пределах 3-х лет, но контрреволюция продолжалась ещё долго-долго и проявлялась в различной форме, кажется, что только сегодня деяния контрреволюции подходят к завершению в форме "демократии" и "перестройки"...

Продолжались диверсии и террористические акции, существовали отдельные, далеко не единичные отряды или банды, как их называли тогда, особенно это проявлялось на Дону и в Тамбовской области и в Средней Азии в форме басмачества. Всё это делалось при поддержке и покровительстве из-за рубежа, куда вынуждены были убегать те, кто считал новую власть своими кровными врагами, покровители рассчитывали на большие дивиденды от своей "бескорыстной" помощи...

Мой дедушка Кудей, хоть и видел, что тучи сгущаются над такими, как он, но надеялся на русский авось: «Может пронесёт ветром эти грязные тучи». Ведь очень многообещающая, заманчивая жизнь складывалась...

И вот в 1918 году, за поддержку царского правительства и контрреволюции, церковь и монастыри объявлены вне закона. Церковное и монастырское имущество и земли подлежали конфискации в пользу государства, предварительно облагались огромными денежными налогами. Дедушка, узнав об этом, пошёл к игуменье (монастырское начальство) и договорился обменять бумажные деньги на золото. Как это проходило неизвестно, но сделка состоялась. В то время в обращении были царские деньги с портретом Николая I, "Катеринки" с большим портретом Екатерины Алексеевны, и "Керенки", в период правительства Керенского. Все эти деньги обесценились до такой степени, что ими стали обклеивать стенки, как украшением. Купить за них почти ничего невозможно, поэтому монастырский обмен для дедушки был настоящим кладом большой величины.

Всё это делалось под покровом ночи. Дедушка берёт с собой мою десятилетнюю сестру Марию Филипповну и нехоженными дорогами, потаясь людей, они идут в монастырь, осуществляют обмен бумажек на золото и той же ночью, так же тайно возвращаются в усадьбу. В своей комнате, при свечах, заставил внучку складывать золотые монеты в стопочки, считать, заворачивать в бумагу и складывать в сумочки. Сколько их было, она и до сих пор не знает. Дедушка приказал ей никогда никому об

этом не говорить. Я же об этом узнал, когда это потеряло всякую актуальность.

Теперь посмотрим, что было дальше. Сестра Мария уехала домой в Бобринку, дед Евдоким продолжал по-прежнему жить у себя дома на отрубях. Всё вроде тихо и спокойно. Но вдруг, в тёмную осеннюю ночь подъехали на пароконной бричке люди с оружием, зашли в дом, забрали сына Фёдора и Макара, отвели их в амбар и там закрыли замком. Мать и всех дочерей согнали в одну комнату, а деда начали пытаться на раскалённой сковородке, сперва ставили голыми ногами, а затем сняли штаны и сажали на раскалённую сковородку. Дед кричал, но помочь никто не мог. Женщины тоже кричали от страха. И вдруг дочь Марьяна прыгнула к окну, выбила стекло и прыгнула в темноту ночи. Побежала по памяти, ничего не видя перед собой. В нее выстрелили и попали в голень ноги, но она продолжала бежать к соседней деревне около трёх километров, но кто пойдёт на помощь ночью? Бандиты всполошились, однако завершили свое разбойное дело, сели на лошадей и скрылись в неизвестном направлении. Кто это был? Да и кому это теперь нужно? Кто мог сказать о золоте, может сама игуменья, или кто иной? Только после этого все дочери переселились в Бобринку в землянку. Дедушка оставался залечивать ожоги, а бабка ухаживала за ним, пока дед начал сам ходить, но вскоре там, же умерла и бабка, по-видимому, от пережитого страха.

Говорили, что сам дедушка Евдоким Агапович то появлялся у своих дочерей в Бобринке, то надолго исчезал. И вдруг ночью в той стороне, где была усадьба Кудеева, появилось огромное зарево. Это горела усадьба моего дедушки Евдокима. Кто поджёг, никто не знает. Ходили предположения и недомолвки, что может он сам в порыве большого горя и сделал этот поджог... У каждого человека есть друзья, но есть скрытые недруги, что ещё хуже.

Землю на отрубях отобрали, она перешла в Госземфонд. Дед живёт у дочери и сыновей, но уже мало появляется среди людей, а иногда на долго исчезал из деревни.

Хозяйствовать стал старший сын Фёдор Евдокимович с младшим братом и четырьмя сёстрами, им выделили землю, и на быках они её обрабатывали. Тем и жили. Имели корову, овец и прочую живность. Младший брат, Роман Евдокимович, после ранения под Мукденом в Китае в 1905 году так же поселился в Бобринке, имея семью: дочь и три очень рослых сыновей - Степана, Фёдора и Ивана, которые потом все пошли служить в Морфлот в виду большого роста и крепкого телосложения. Иван и Фёдор дослужились до больших морских командиров, и участвовали в войне с фашистами 1941-45 гг.

Со Степаном мы ещё встретимся, так же и с самим дедом Романом Агаповичем. Семья Чуприных ещё не успела разбогатеть до революции и поэтому не привлекала к себе внимания ни белой, ни Красной армии, хотя через Бобринку проходили и те, и другие по несколько раз мелкими отрядами от города Пугачёва к Волге. Это были отряды Кутякова и Сорокина из Чапаевской дивизии.

Однажды мой дедушка Захарий Яковлевич, поддавшись агитации и слухам, что скоро придут Красные отряды, запряг телегу, сложил харчи, вещи и с бабушкой уехали вслед за белогвардейским отрядом. Мой отец, Филипп Захарович, отговаривал его, он не послушал, но через сутки дедушка Захар Яковлевич вернулся с бабушкой и долго лежал в постели. Дома говорили, что дедушку сильно отстегали плёткой по спине до крови. Получилось как по фильму "Чапаев": белые отряды приходили - грабили, красные - тоже грабили. Те и другие требовали мясо, печёный хлеб, фураж для лошадей, самих лошадей и молодых людей вместе с лошадьми служить в их отряды.

Однажды потребовали явиться Фёдора, сына Евдокима, когда он узнал, что его хотят забрать в солдаты, то сбежал за деревню и где-то спрятался. Его весь день искали верховые казаки, проширяли все скирды и копны соломы, грозились зарубить не только его, но и родню его. К счастью, не нашли, а в ночь ушли из деревни.

В это страшное время старостой почему-то выбрали моего отца, Филиппа Захаровича, по-видимому, как нейтрального. Заходят одни и спрашивают: "Кто у вас - кадеты или советы?" Если ответят белым, что у нас советы, значит, поднимут старосту на штыки. Если приходят красные и тоже спрашивают, кто тут правит? Если сказать, что кадеты, то тоже и так же, старосту на штыки. Вот и приходилось старосте вертеться между теми и этими, чтобы не оказаться на штыках. Он спрашивал у

пришельцев - что же нам, мужикам, делать? Вот пришли вы, мы подчиняемся вам, завтра придут те разбойники с оружием, приходится подчиняться и их оружию, ведь мы безоружны. Приходилось кормить и тех и других. Это кроме чрезвычайной государственной продовольственной развёрстки. Исполнительная комиссия этой развёрстки отбирала почти всё, порою не учитывая, чем семье питаться и что сеять. Крестьяне прятали хлеб, как могли: в ямах, в лесу и прочих местах. Если находили у кого спрятанное, то он считался злостным контрабандистом и конечно привлекался по всей строгости законов того времени.

Такой порядок отпугивал крестьянство от революции, потому как крестьяне быстро разорялись, да и городское население от этого не богатело. В 1920-21гг страну постигла сильная засуха, повсеместные неурожаи, что обернулось страшным голодом...

Послевоенная разруха промышленности в городах и сильный спад производства сельхозпродукции в деревне вынудили правительство прибегнуть к НЭПу - (Новая Экономическая Политика). От продразвёрсток, которые были в войну, перешли к продналогу; то есть, положено сдать государству с каждого посеянного гектара земли 5-8 пудов зерна, а всё остальное ТВОЁ. В результате такой политики за 1922-23гг крестьяне не только накормили всех россиян, но и стали продавать зерно за границу! НЭП создал небывалые условия для величайшей заинтересованности каждого, кто производил любой вид продуктов питания и в любом неограниченном количестве.

ХЛЕБ - имя существительное

1921-22гг положил начало бурному развитию НЭПа. Крестьяне снова стали распахать заброшенные земли, осваивать новые гектары. Страны и благоприятные климатические, а точнее, погодные условия давали богатые урожаи, что способствовало приумножению поголовья скота и разной живности. Рынок пополнился всеми видами продовольственных товаров, и, естественно, цены на все товары сразу снизились в значительной степени.

Семья Чуприных усердно взялась работать на земле, прикупив в земельном банке ещё земли, часть земли взяв в аренду. Вручную обрабатывать такое количество земли стало не под силу. Мой отец купил сноповязалку, молотилку на паях с соседом.

Приняли в свою артель и дедушку Кудия. В это время можно было создавать ТОЗ - товарищество по совместной обработке земли. Людей хватало: у Кундиевых два сына, три дочери, которые так и не вышли замуж, у нас тоже хватало рабочих рук, однако на лето нанимали сезонного работника.

Дедушка Захарий Яковлевич после революции купил себе дом в Пугачёве и сдавал его в аренду под харчевню (столовая). Под домом был хороший подвал, его заполняли зимой льдом, вместо холодильника на лето.

Жил дедушка Захар Яковлевич с бабушкой, Марфой Ермолаевной, в небольшом домике, который находился в этом же дворе, обнесённом каменной стеной в два метра высотой. Я часто и по долгу жил с ними, бабушка много раз говорила мне, что вот подрастёшь и будешь хозяином этой харчевни. Мне очень нравилось слушать эти бабушкины рассказы.

Хорошо помню, во дворе около мусорного ящика и по всему двору бегало много крупных крыс, а на каменной стене стоял улей с пчёлами. Откуда он взялся и куда делся я не знаю. Так вот за этот дом-харчевню в 29 году дедушку арестовали и без суда отправили в Саратовскую тюрьму, там он в 72-х летнем возрасте умер на строительстве саратовского моста через Волгу, неизвестно когда и неизвестно как... А дом, конечно, отобрали в государство.

Забегая наперёд, скажу, что я с сыном Петром примерно в 80 году ездил на родину в Бобринку и заезжал в Пугачёв. Посмотрели некогда наш дом. Стоит по-прежнему на старом месте. Только убрали парадное крыльцо на улицу, вместо двери поставили окно, и, конечно, нет красивой вывески, что это харчевня и кому она принадлежит. Во дворе приделали коридор, и всё передали под жильё.

Прошли мимо старого собора, это великолепная церковь, в которой я не раз причащался и удивлялся всегда красотой внутренней отделки и во всём видел необычное. Теперь эта необычность и красота служила складом для заготконторы...

Затем зашли в музей героя гражданской войны комбрига Чапаева, его отряды контролировали эти места вплоть до Волги.

Под ритмичный стук вагонных колёс я уносил свои детские воспоминания о былом и прекрасном, о моих очень близких и родных людях, о не свершившихся планах и надеждах. Это было, вероятнее всего, последнее свидание с моим далеким детством и прошлым...

И так, мой отец, приобретая технику для обработки земли и уборки урожая, со своими товарищами по ТОЗу заботился и о приобретении запасных частей для своего инвентаря и сельскохозяйственных машин. Он наладил устройство для изготовления из шпагата морских канатов погонных ремней для молотилок и для витья веревок, чем снималась проблема дефицита, так необходимых в деревенской жизни и хозяйстве вещей. Он не только решил свою проблему, но и помог своим друзьям и товарищам.

В это время были большие трудности с промышленными товарами. Хорошо помню, как отец с товарищами наполнили оцинкованный бак топленым маслом, сложила в мешки куски свиного сала и повезли эти продукты в Ивано-Вознесенск на мануфактурную фабрику, где обменяли их на ситцевые лоскуты по 2-3-4 метра и, причём, говорят, этот лоскут брали на вес. Я это уже сам видел, что клочки различной расцветки и различной величины вынимал отец из мешка. Все годилось только для рубашек. Весь ситец в мелкий горошек, в клеточку или морскую рябинку, (что было бы очень модным на сегодняшний день). Штанного (годного для пошива брюк) я ничего не видел.

Ещё помню, как отец нагружал бричку мешками с зерном и вез продавать в Пугачёв на элеватор, а оттуда привозил много различных покупок и подарков.

Запомнился и необычный, в то время для меня случай. Однажды пришли кони сами домой, а в бричке лежит отец, полуживой, еле дышит. В доме начался полный переполох. Мать и близкие плачут во весь голос, прибежали соседи с советами и рекомендациями. Они не только рекомендовали и советовали, а начали руками выжимать сок из свежего конского помёта и поить насильно отца. Говорят, что при перепое такое средство помогает. Что ж, и помогло. Наутро отец оживел-опохмелился, выпил ещё стакан самогона и поехал в поле пахать зябь.

Пахали в Саратовской области двухлемешным плугом, запрягая пять лошадей - две в корень и три вперёд. А ещё нужно чтобы одна или две были запасные, для подмены или привезти себе харчи, а лошадям корм на ночь. Этим делом занималась моя крёстная Мария Захаровна, монашка.

Члены артели только молотили хлеб все вместе на току около дома, а косили и пахали каждый себе сам. С поля на ток свозили в снопах каждый в свой скирд. Молотили только молотилкой все вместе. Сама молотилка закреплялась на месте, а молотильный аппарат приводился в движение четырьмя лошадьми от круга через ремень, который отец делал на своём ткацком станке. Солому затаскивали лошадьми блоком в огромный скирд, зерно провеивали и ссыпали в амбер и потом, после уборочных работ, возили в Пугачёв на элеватор. Конечно, прежде всего - ПРОДНАЛОГ, а потом распоряжались излишками по своему усмотрению.

Я, однажды тоже ездил с отцом на базар, чтобы продать муку. Там было много подвод, и отец даже терялся среди такого множества чужих телег. Я же сидел на своей бричке за сторожа и продавца.

Иной год отец брал в аренду сенокосы за прудом. Запрягал в пролётку лошадь, брал моего старшего брата Ивана и ехали осматривать сенокосы. Обязательно в обед, при этом он говорил сыну: "Выбирай невесту утром, а траву в полдень". И далее пояснил эту притчу, если невеста ленивая, долго спит, то и неопрятная до самого обеда. А трава утром густая, потому что за ночь листики распустятся, а припечёт солнышко, листики повянут и видно, что трава редкая, а, следовательно, и цена за сенокосные угодья не высокая.

Когда косят сено ручной косой, то приговаривают: "Коси коса пока роса, роса долой - косарь домой", тоже потому, что поднялось солнышко - высушило росу на траве, трава становится сухой и жесткой, косить становится очень тяжело.

Наши дома зимой отапливались соломой, и только хлеб пекли и варили обед кизеками

(киззяками). Никаких дров, конечно, в нашей местности не было.

В передней комнате было много ягнят, козлят, телята маленькие и даже поросята, т.к. боялись, что в катухах они помёрзнут. Теперь-то уже не берут из сараев приплод. В одной из комнат размещали портного (скорняка), который шил из наших овчин полушубки, шубы, тулупы и иные овчинные изделия для семьи. Он питался с нами за одним столом. Это было выгодно и удобно для него и для нас: ему не нужно тратиться на питание, а нам, не будет сомнений в обмане с овчинами.

Примерно в 1926-27 гг. купили вторую донецкую рысистую кобылицу, для неё купили легковые сани, покрасили сани тоже в черный цвет. Необходимой краски под руками не оказалось, и добавляли в какую-то краску сажу. Сани получились на диво всему селу. Нас, мелюзгу, на сани не брали, боялись, не удержимся и упадём. Помню, запряг брат мой Иван эту жар-птицу, ему было тогда лет 17-18, проскочил по селу, всем на диво и умчался в соседнее село Шалашиху. Я от зависти заплакал, мне было тогда уже 6-7 лет. Отец, в утешение меня, подседлал старого и умного коня по кличке Козуля и велел проехать огородами, там пряталось много зайцев, а гончая собака по кличке Лютра, должна поймать зайца. Я, конечно, обрадовался такому доверию отца, забыл про всё и поехал на этом коне. Но зайцев даже не видел, а поймал "ревунка" - обморозился верхом, тогда зимы были очень морозные - 30-35 градусов мороза. Моя мать с отцом поругались из-за меня, зачем он пустил меня за зайцами.

Вот и ещё всплывает в памяти смешной и забавный случай. Как-то я и мой младший брат Василий бегали по двору. К нам пришел дедушка Евдоким Агапович, (в это время он уже жил по соседству), позвал нас в клуню (это большое помещение для хранения кормов) и начал там, в норах соломенной крыши ловить воробьёв. Наловил он их нам полные руки, а потом снял со своей шеи гайтанчик (это шелковая нитка, на которой была привязана кожаная сумочка с деньгами) и начал привязывать на этот гайтанчик воробьёв за ножку. Потом начал ловить ещё, а связанных положил на землю. В это время из темноты выскочил кот, схватил связку птичек и быстро скрылся в ту же темноту. Поднялся переполох в нашем дворе. Ведь проклятый кот унёс не только птичек целую связку, главное, он унёс сумочку с деньгами дедушки. Он очень любил всегда носить деньги на шее, никому не доверял это богатство, и, вдруг такое случилось. Искали с керосиновыми фонарями всю ночь и только утром нашли в седу кучу перьев и сумочку с деньгами моего дедушки. Сам он долго не появлялся у нас, наверное, от пережитого болел.

Остался в памяти случай довольно неприятный сам по себе, да этот случай ещё имел дальнейшие последствия. Выше я упомянул, что у дедушки Захара Яковлевича был младший брат Митрофан Яковлевич Чуприн. Он тоже переехал с Украины в Бобринку, но жил не богато. Любил днём поспать, а ночью погулять, как говорили домашние, может потому у него не шло домашнее хозяйство. Ночью, иногда, захватывали его в чужих амбарах с барахлом. И вот решили односельчане проучить его. Забрали у него дома вещи, которые он наворовал да не успел продать, повесили ему всё на спину и под улюлюканье, крик и свист толпы народа повели по селу от его дома до конца села. Кто хотел, те его ругали, стыдили, обзывали неприятными словами, но бить не позволяли. Он всё видел, всё запоминал. Из нашей семьи никто в этой "церемонии" не участвовал, ведь неприятно, всё-таки родственник.

После этого вскоре в селе произошла большая беда: в течение одних суток в некоторых дворах погибло много скота, в тех же дворах сильно заболели люди, в основном мужчины. Предполагали, что именно в тех семьях, которые принимали активное участие в позорном публичном шествии Митрофана с ворованным барахлом. Пошёл слух по селу, что именно Митрофан подсыпал мышьяк или иную отраву в корыто с водой или колодцы, у которых поили сельчане скот. Но никто не мог этого доказать. Так на этом всё и затихло. Затихло да не совсем. Однажды появился во дворе дед Митрофан с топором в руках и сосед Семён, у которого скот пал, и сам ещё хромотал, с железным ломом, и начали гоняться друг за другом и угрожать один другому. Каждый из них рассчитывал на помощь моего отца. И действительно, что делать отцу? Кого защищать? Родного дядю Митрофана или соседа - наилучшего друга? Мы, мелюзга, бегали со страхом наблюдали за этой неприглядной картиной. И всё-таки отцу удалось предотвратить эту драму, ему удалось закрыть одного в сарае,

другому сказать, что он убежал от него, а потом сказал первому, что бы тот убежал домой. Так драка была предотвращена, но потом и один и другой ругали отца, что он ни одного не поддержал. Однако с соседом распили бутылку и помирились, а дядя Митрофан всю жизнь мстил нам. Это проявилось особо при раскулачивании. Такие, как он были самыми активными в комитете бедноты, как тогда называли "комбедовцами". Будучи в этом комитете, он неоднократно использовал свою анархическую власть. Но об этом немного позже.

А сейчас о том, как выходила замуж моя сестра Мария Филипповна. Она 1909 года рождения, в 1926 году ей было семнадцать лет, а регистрировали брак не менее восемнадцати. Возникла проблема прибавления возраста невесте. Тогда и у меня возникли вопросы на детском уровне - как это прибавить или убавить прожитые или ещё не прожитые годы? Оказывается, взрослые уже тогда, а может и раньше, уже знали, как это делать. Знал это и отец. Набрал водки и всякой закуски к ней, подарки, как сегодня это называют "презентом" и поехал к церковному попу и там, всё, что надо, "состряпали". В то время все метрические записи хранились в церковных архивах, начиная от рождения, свадьбы и смерти человека. Я опять немного забежал вперёд.

В семье был шумный и крупный разговор с невестой. Дело в том, что она хотела выходить замуж только за Дмитрия Семёновича Мирошниченко, он молодой, красивый, гармонист, но из бедных. Имел ружьё и собак для охоты за зайцами. Вот ей и говорили: «Что с него толку? Не будет он добрым хозяином. Днём за зайцами будет бегать, по ночам на гармошке рыпеть. А Несонов Прошка - это крепкий хозяин, у них земли гектаров 50, полный двор скота, просторный дом, вот это жених». Но она наотрез отказалась от этого Прошки. Но отец стоит на своем: «Только за Прошку отдам!». В доме было очень шумно. Плакала мать, плакала Мария, отец что-то шумел, размахивая в воздухе толстой постройкой. Потом всё утихло. Приехали сваты, осталась в памяти их свадьба. Запомнился мне сундук, украшенный фантиками от конфет: "Золотой петушок", "Раковые шейки" и прочие красивые картинки. Хорошо запомнил счастливые, улыбающиеся лица жениха и невесты, сидящие впереди за свадебным столом. Но отец ещё долго был недоволен этой свадьбой, как несбывшимися планами будущего в развитии своего хозяйства.

Но хозяйство, всё-таки, продолжало крепнуть, планировал отец прикупить ещё земли - только в земле крестьянин видел надежную отдачу от своего труда и благосостояния семьи. К тому времени в нашей семье было 4 сына, а в перспективе это уже большая сила. Но в народе к тому времени шли слухи, что скоро у богатых будут всё отбирать, землю будут обрабатывать артельно, т.е. коллективно. Не будет ни своей земли, ни своей лошади, ни инвентаря для обработки "ничейной" земли. Всё будет общее. Подобные слухи всё настойчивее ходили в народе, и они зажиточных крестьян очень пугали. Однако многие не верили в то, что Советская власть может допустить, чтобы моё трудовое добро так просто прийти и отобрать...

Беднота очень радовалась, что настанет время, когда у богачей всё отберут и всё будет колхозное, а, следовательно, наше! Вот тогда все будут богатыми, а бедных совсем не будет. Работать по возможности, то есть, кто сколько хочет и как хочет, а есть по потребности, сколько хочет, вот будет райская жизнь на земле!

Скоро после слухов невероятных пришли и дела не менее жуткие. В 1928 году, осенью НЭП была отменена. Все крестьяне, которые пользовались льготами новой экономической политики, попали в число зажиточных или "кулаков". Те, которые не сумели воспользоваться преимуществами и льготными благами НЭПа, остались бедняками, вот они и приветствовали эту "перестройку" и коллективизацию.

Был объявлен лозунг - "Ликвидировать кулаков как класс" и на основе ликвидации осуществить всеобщую коллективизацию. Был образован при сельсоветах актив из самых бедных и активных мужиков и комсомольцев, куда, конечно, вошёл и наш Митрофан. И началось такое, что страшно и жутко вспоминать. Сперва наложили повышенный продналог зерном, который мы отвезли сами в Пугачёв, а когда хлеба не стало, наложили налог деньгами, отец и этот налог выполнил, наложили ещё больше. Ему прямо сказали, что налог не последний, он будет следовать один за другим, пока полностью dokonают. Отец отказался платить, потому, что не стало денег, тогда нас

объявили "неплательщиками" и в погашение налога описали всё движимое и недвижимое хозяйство и имущество, вплоть до личных вещей в нашем доме, всё, что по их мнению можно продать и превратить в деньги.

В преддверии надвигающихся чёрных туч и урагана над тружениками деревни у нас в доме произошло невероятное явление. Как-то утром, проснувшись, увидели, что одна из икон, висевшая в углу дома, засияла золотыми солнечными лучами, но не вся икона, а только лицо Иисуса Христа и до верха иконы, в правый угол образов. В доме сперва прошёл робкий шёпот, затем быстро узнали об этом в селе. Появилось много народа в нашем доме. Пошли разговоры и предположения о приближении хороших вестей, другие предрекали очень дурные события. Эти последние предрекания сбылись с лихвой. К вечеру отец и тетя Мария икону куда-то увезли, видимо попу. Потом объяснили всем, что это явление называется "Обновление иконы". Почему это так получилось, я до сих пор толком не пойму. Это был не единичный случай. Ходили слухи, что и в других сёлах происходило подобное обновление икон.

После описания нашего хозяйства процесс не остановился, этой процедуре подверглись вскоре более десяти дворов. Нас выселили из дома и разрешили переехать в чью-то заброшенную землянку, три семьи вместе. Соорудили там каждой семье отдельные нары из нестроганных досок из какого-то сарая. Осуществлялось это переселение под руководством Митрофана комсомольцами и им сочувствовавшим. Сама процедура сопровождалась театрально, под улюлюканье и свист бедноты, как когда-то смеялись над Митрофаном с ворованным барахлом, но на сегодня Митрофан в почёте.

Увели 3 коровы с телятами, 30 голов овец, 6 голов лошадей, в том числе Карюшу, донскую жар-птицу. Помню, как мой брат Иван обнял её и со слезами говорил мне, что её больше всего жалко, какая прекрасная лошадь! Всё угнали в чей-то двор и объявили, что теперь всё это колхозное достояние и пользоваться им будет колхоз, а не кулак. Дом и всё, что было описано, подлежало распродаже на торгах, что-то вроде аукциона. Всё разматывали за бесценок наше хозяйство и имущество.

Трудно даже представить, какое настроение и состояние было у моего отца и матери, перед ними стоял вопрос, а что будет дальше с нами? Кроме отца с мамой нас ещё четверо детей: Иван, я, Василий и годичный ребёнок Миша. Всего в нашей семье было 11 детей, но остальные помирали ещё в раннем детстве.

Питались мы, живя в землянке, неплохо. Перед описью нашего хозяйства отец зарезал кабана, телку двухлетку, сложил в Бочку и спрятал куда-то в навоз, а потом доставали по ночам и варили. Муку в мешках побросали в реку, а потом вынимали из реки мешки и пекли хлеб. К нам приходит кому-либо запрещалось. На землянке крупными буквами было написано: "Здесь живут кулаки!" Им объявляется "бойкот"! Они "лишенцы" то есть, лишены всех прав. Запрещалось уходить из землянки, закрываться на запор даже ночью. За всем "порядком" наблюдали, даже по ночам активисты комсомольцы. Слово "бойкот" означало, что никто не должен с нами здороваться и о чём-либо говорить. Однажды ночью к нам в землянку зашли активисты во главе с Митрофаном, начали обыскивать нас всех. Дед Митрофан сразу подбежал к моему отцу и схватил за валенок, отец успел одеть один, а второй пришлось вырвать Митрофана из рук, тогда дед схватил полушубок и забрал его домой. А комсомольцы в это время начали обыскивать женщин и отбирать у них деньги. Кое-кто успел куда-либо припрятать, кто не сумел этого сделать, то комсомольцы отбирали. Два комсомольца у старой бабки Кравцовой выпащили узелок, неприлично говорить, откуда, она кричала, стыдила, но они только хохотали, а узелок с деньгами забрали, а дед Митрофан подхвалил "героев". И куда пойдешь жаловаться на этот произвол? Они актив, их посылает Совет во главе с уполномоченными района. А мы лишены всех прав. Вот и выходит, что над нами можно делать всё, что угодно и кому угодно. Кто может ответить на вопрос: "За что такие муки над людьми?"

Мы все знали, что в землянке нам жить недолго. Вас, говорил Митрофан, повезут на Соловки, где сильные морозы и большие снега, и что оттуда никто из вас не вернётся.

В это время среди нас моего старшего брата не было. Иван куда-то сбежал, и об этом нам ни отец, ни мать не разрешали даже спрашивать.

Вскоре к землянкам подогнали сани, запряжённые лошадьми. Приказали каждой

семье грузиться на одни сани. Пошёл крик, плач женщин и детей, сбежались соседние женщины, но кто сочувствовал и соболезновал нам, их называли подкулачниками, нарушителями правил бойкота. И всё-таки, многие украдкой от активистов и уполномоченных кидали нам всякое: хлеб, сало, горячие пироги, тёплые рукавички. Это было признание нашей невиновности и незаслуженно обрушившихся на нас бед.

Более десяти подвод тронулось из нашей деревни Бобринки, нагруженные, в основном, детьми, старухами. Для многих в последний раз, в последний путь. Зрелище потрясающее. Плакали и те, кто ехал на санях, и те, кто оставался в деревне. Ведь оставались и родственники и друзья. Из наших родственников осталось четыре сестры, два брата, старшая сестра Мария Филипповна, которая вышла замуж за Дмитрия Семёновича. Это она всё время заботилась о нас и по возможности снабжала, чем могла и тогда, когда мы жили в землянке, и тогда, когда мы были в ссылке.

Из Бобринки довели нас до Пугачёва на железнодорожный вокзал. Там уже много скопилось таких раскулаченных, как мы. Стоял крепкий мороз. Плакали грудные и малые дети. Подали вагоны, и началось погрузка, всё делалось очень быстро. В каждом малом товарном вагоне были сделаны двухъярусные нары по обе стороны из мёрзлых нестроганных досок. Грузились семьями. В каждый товарный вагон набивали более 34 человек. Было очень тесно. Стояла сильная вонь. Здесь же все управлялись в ведра: и ребята и девушки, взрослые, старики и старухи... Многие стеснялись до слёз, и только животная потребность заставляла садиться на ведро. Разделительной "стеной" была простая простынь, которая отгораживала совестливых людей от беспредела издевательств над простым и невинным человеком... На остановках, которые были очень редки, просили конвоиров разрешения вылить содержимое из ведер под вагон, но не всегда получали разрешение и даже двери вагонов были замкнуты на замок.

Несмотря на то, что в вагонах не было никакого отопления, была сильная духота и неимоверная вонь... Иногда стояли и подолгу, тогда по очереди из каждого вагона по 3-4 человека с ведрами бежали за чистой водой и одновременно опорожняли ведра с туалетным содержимым. Всё это происходило под присмотром конвоиров с винтовкой наизготове. Так мы были страшны и опасны для властей...

Два - три раза за неделю, которую нас везли, давали ведра какого-то горохового супа, для издевательств, а остальное время питались тем, что было у каждого из дома. Ещё хуже было тем, у кого были грудные и малые дети. У нас тоже в это время Михаилу нашему было не более двух лет, он ещё не ходил - болели ноги. На прогулку из вагонов не выпускали, боялись, что разбегутся. Иногда конвоиры спрашивали: "Есть ли больные или мёртвые?" Их на полустанках снимали. Никто не знал, куда их девают. Хотелось скорее выйти из вагона на твёрдую землю.

Проехали город Котлас и вскоре остановились где-то в тупике. Открыли двери и приказали разгружаться прямо на снег, но никому никуда не расходиться. Потом подъезжали сани, запряжённые одной лошадейю, нас погрузили и повезли куда-то дальше в лес. Доехали мы до каких-то огромных барачков. Они были сделаны из бревен без стен, большущие двухскатные, покрытые сосновыми ветками и очень длинные. С каждого торца было по две двери. В середине барака стояли железные печки-буржуйки, которые топились бесперебойно. Вдоль барака из мёрзлых досок были сделаны двухъярусные нары, на которые размещали нас из расчёта по полметра на человека. Нам досталось аж три метра. Сами прибывали доску под голову и доску, отделяющую от соседней семьи. Таких барачков я не мог тогда пересчитать, их было очень много. Из каждой области поселяли в отдельные бараки. Жильцы всех барачков резко отличались по одежде. В одних бараках люди были хорошо одеты, в других полуголые и полуобутые. Как потом стало ясно, что в каждой области проходило раскулачивание по-разному. Всё зависело от "активности" и благоразумия "митрофанов", такие, оказывается, были во многих областях. Одни разрешали брать с собой и питание и одежду, в других говорили: "Зачем им всё это нужно - всё равно им там подышать, зачем добру пропадать?" С Украины и, особенно из южных областей, городские жители были очень бедные и голодные. С Белорусских областей, были одеты в шубняки, валенки, шапки и питались намного лучше саратовских кулаков. Вскоре нас снова переписали, ведь за дорогу многие умерли, некоторым удалось

убежать. По новым спискам нам стали давать 300 граммов чёрного хлеба и 120 граммов солёной трески на человека, это был наш дневной рацион. Наверно, понятно каждому, что такой рацион не может сохранить человеческую жизнь длительное время. Доедали свои запасы: мука, сухарики, а потом стали получать посылочки из Бобринки от моей сестры Марии Филипповны. Век её не забуду. Несмотря на то, что сутками топилась печка, в бараке даже вода замерзала. Все были одеты в верхнюю одежду. И опять труднее всех было малым детям и старикам. Переохлаждение и недоедание повлекли заболевания людей, но никто на это не обращал внимания. В первую очередь умирали старые и грудные дети. Даже негде было высушить ребёнку пелёнки, и каждая мать была вынуждена сушить их своим телом, подстилая на ночь под себя. Каждую ночь не обходилось без мертвецов. Хоронили их вдалеке от лагеря. Вместо гробов были бесформенные ящики, могилы рыли мелкие, менее метра и то вниз клали много сосновых ветвей, а затем опускали "гроб" и быстро засыпали, ибо сразу же появлялась вода. Ведь кругом были болота.

И так, маленькие кучки людей, родственники и близкие, несли и несли большие и маленькие "гробики" в последний путь вдали от родных мест в далекой северной болотной глухомани. И тысячу раз возникал у миллионов людей вопрос - ЗА ЧТО?

Огромный лагерь называли "Макариха" для спец. переселенцев. Находилось в нем не менее 100 тысяч обреченных, бесправных человеческих душ.

По всей зоне, главной улице между бараками ходили патрули, или как их называли - наблюдатели. Они были назначены из таких же бесправных и не имели оружия кроме обычной сосновой палки. Но этой палке предоставлено полное право применения в любых случаях, по желанию владельца этой палки. Они именовались в народе "палочниками", они считались как на работе и за это им давали повышенный паек продовольствия.

Деяния "палочников" были не объяснимы. Далеко не однажды они беспричинно раскидывали котелки и чугуны, в которых варили пищу среди улицы вдали от бараков, в то же время было всем известно, что варить больше негде, да и неначем. И все же творилось нечеловеческое...

Однажды собрали всех людей вблизи комендатуры, которая стояла в стороне от бараков, она была обнесена колючей проволокой высотой более двух метров, а по углам этой изгороди на вышках стояли по одному на каждом углу станковые пулеметы. Вот когда я первый раз увидел пулемет "Максим" воочию, а не в дни Великой Отечественной Войны, защищая Родину...

Из бараков палочники выгнали на этот митинг всех, кого можно было поднять с нар. Собралось людское море народа. Вышел, на вновь построенную трибуну какой-то начальник в кожанке и начал вежливо и спокойно свою речь, но вскоре перешёл на эмоции талантливого оратора. Запомнилось мне, он говорил: "Для того чтобы построить бесклассовое коммунистическое общество, необходимо объединить мелкое единоличное крестьянское хозяйство в крупное обще-коллективное хозяйство, то есть Колхозы. Для этого нужно обобщить весь сельхозинвентарь и всю живую тягловую силу на селе. Она сосредоточена в руках зажиточных крестьян и кулаков, а они не желают объединяться в колхозы, хотят жить и работать сам себе, единолично или по собственному желанию в ТОЗ, но это противоречит политике нашей партии и правительства. Кулаки начали вредить этому процессу, начали агитировать беднейшее крестьянство не вступать в колхозы, начали портить сельхозмашины, травить скот, прятать в ямы семена, хлеб. Тогда правительство решило ликвидировать кулаков как чуждый элемент, класс, мешающий строительству колхозного строя. Вот вас и выслали сюда, в тайгу на север, чтобы вы не мешали строительству счастливого будущего. Некоторые из вас думают, - продолжал оратор, что я ничего плохого не замышлял и не делал, может быть и так, но когда ловят большую рыбу, попадается и мелкая, и далее продолжил - Лес рубят - щепки летят" ...

Что было дальше, я не знаю. Был крепкий мороз и мы, дети, начали убежать вночь в бараки, нас никто не удерживал. Когда вернулись с этого митинга, было много разговора. Некоторые рассуждали: "А ведь и правду может быть, он говорил, что будет скоро, очень скоро коммунизм, женщины не будут стирать бельё, это будет делать"

такая машина, за маленькими детьми будут ухаживать специальные люди в отдельных домах, там их будут поить и кормить. Одна женщина спросила с насмешкой: "А кто им будет вытирать под носом?" Самая шустрая ей ответила: "Один - два раза вытрут не платочком белым, а ежовой рукавичкой, после чего не будет их распускать". Все рассмеялись. Но разговор пошёл дальше, при коммунизме, говорят, будет одеяло 40 метров, этого хватит от этих дверей до тех. Таким одеялом можно укрыть всех подряд: и мужчин, и женщин, и детей вместе. Вот бы такое теперь нам, сказала одна из собеседниц, но вот как же из-под этого одеяла вылезти ночью? Кто-то из остряков ответил, если кому сильно нужно будет, вылезет вниз или вверх, а в общем - куда быстрее... Готовить обед женщины тоже не будут, это тоже будет делать машина. Подошёл, подставил котелок, нажал кнопку и получай порцию борща. Беда в том, что это всё не для нас, мы чуждый элемент в этом обществе, мы спецпереселенцы, как сказал комендант, и мы должны обживать эти тяжёлые места, места таёжные и холодные. Кто останется жив, тот может, узнает, как они там, живут при коммунизме без нас. Ведь у них лозунг - "От каждого по возможности, каждому по потребности!" Что можно желать ещё лучше?

Через несколько дней после нашего приезда в Макариху комендатура вызвала всех мужчин и объявила, что они все сейчас же пойдут в глубь тайги километров за 400 от лагеря, будут там рубить лес и строить аналогичное жильё для себя и своей семьи, потому, что там никакой постройки нет. Вся семья в горьких слезах провожала нашего отца в неизвестную тайгу. Проводы мужчин чем-то напоминали похороны самых близких, и родных заступников, защитников и кормильцев, стон и плач потрясал весь лагерь. Остались в бараках одни женщины, старики и дети, которые не представляли большой опасности для комендатуры и потому лагерь не был огорожен колючей проволокой. Однако по всем дорогам стояли домики с палочниками, они-то и являлись заград-постами, преграждая путь на юг, тем, кто не хотел умирать в лагерях. Мама иногда ходила в ближайшие деревни менять последнее барахло на продукты: хлеб, картофель. Через много лет позже я узнал, что такое ГУЛАГ - это Главное Управление Лагерьей, а тот лагерь, в котором нам пришлось побывать, был лагерь сортировочно-пересыльный и назывался "КОТЛАГ №34".

Ближе к весне в лагерь приехал какой-то далёкий родственник специально за детьми. С ним можно было отправить на родину, если он возьмёт на поруки. Мама договорилась отправить одного из нас, и почему-то решила отправить именно меня, хотя по условиям дети должны быть не старше 8 лет. Таким образом, остались там мама, Василий и Михаил, он ещё не ходил. Папа был уже в тайге. Вся семья разбросана, и кто знал, увидимся ли мы и соберёмся ли когда вместе? Каждый из нас думал, что прощаемся навсегда. Страшные мысли, страшные чувства овладевали каждым из нас...

Мама пришила под полу суконного пальтишка белую тряпочку и написала адрес, куда еду, на случай, если потеряюсь, сшила маленькую сумочку для харчей на первый случай, а потом, что Бог даст... Дяденька собрал таких как я 14 человек. Его задача вырвать нас оттуда легально и как-то довести нас до родных мест, остальное его не касалось.

Я с большими трудностями и перипетиями доехал до Пугачёва, а затем добрался до Бобринки.

И всё-таки, большое спасибо этому незнакомому для меня мужчине. Ему тогда было лет 65, он был с одной рукой, инвалид. Больше о нем ничего не знаю, и больше его никогда не видел. И так я приехал к своим родным. Все они собрались, плакали около меня, главным образом за тех, кто остался там где-то на далёком и холодном для тела и души севере. О многом спрашивали меня, я отвечал, как мог и как знал. Жил я у моей старенькой бабушки Марфы Ермолаевны и крестной Марии Захаровны. Они жили в это время в землянке нашего двора. К этому времени дом, харчевню в Пугачёве отобрали и самих выгнали. Дедушку арестовали. И как узнали позже, погиб он в саратовской тюрьме на строительстве моста через Волгу, о чём я уже упоминал ранее.

Время шло. Надо было чем-то питаться, продуктов уже не было. Была середина лета 1930 года. Отобрав у кулаков, которых потом сослали, сало, пшено, муку, скот и птицу,

набрали много продуктов. В некоторых сёлах решили скорее организовать коммуны. Мы с моей тёткой Марией решили провести родственников в деревне Козаковка, километров за 15 от нас. Они уже жили в коммуне. Пришли к родственникам, они нас встретили, вроде бы радостно, но сразу предупредили о том, что они теперь живут в коммуне и покормить с дороги даже мальчика, то есть меня, не могут, потому как в доме ничего съестного нет, даже тараканы и те подошли. Кошки и собаки из дома сбежали в поисках пищи. В 12 часов ударят в рельс и первыми побегут обедать коммунары, а после, что останется могут покормить гостей.

Примерно в 3 часа тетя сказала, что теперь можно идти на обед. Этой команды очень ждал, потому, как сильно хотел есть. Посадили нас за длинные за длинные деревянные столы и такие же длинные скамейки, налили в большие миски кислого молока, дали по большому куску хлеба и сказали, больше уже ничего нет, что было - поели коммунары. Мы поблагодарили и за то, что дали. Попрощавшись, мы ушли в Бобринку без ничего. К осени коммунары все запасы поели и разбежались. На зиму ничего не заготовили, не сажали и огороды, думали, что так хорошо будет без конца долго.

Дошла очередь до второй партии кулаков, куда попадала семья Мирошниченко, то есть моей сестры Марии Филипповны. Вскоре должны вывезти на промежуточный сбор, а потом дальше в Казахстан. Нам передали, что бабушку, тетю Марию Захаровну и меня (вторично) ждёт та же участь. Чтобы не попасть опять на высылку в Казахстан, мы сразу же в жаркий полдень собрали узелки, проскочили по одному к реке, и кустарниками по-над рекой ушли от Бобринки в сторону Волги. Через 3-4 дня приехали к бабушкиной дочери Татьяне в Куйбышевскую область село Убейское. Всех троих тетя приняла хорошо, как бывает на первых порах.

К осени этого-же года какими-то путями в хутор Убейск вырвалась с севера мама с братьями Василием и Михаилом. И опять к тетке Татьяне. И так, нас Чуприных стало 6 человек. Кто может приютить и прокормить такую разновозрастную ораву дармоедов? Вскоре нашли полуразрушенную хатенку, и перешли в неё все, кроме бабушки Марфы. Начали зимовать. Добывали из-под снега дрова - ветки ольхи и тальника. Питались помаленьку с разных источников. Мама с темна до темна пряла из конопли нитки для холстов...

Голод продолжается

...чувашским женщинам соседних сёл, а они давали нам кое-какие продукты питания. Я с Васей по праздникам ходили по соседним сёлам побираться, выпрашивали кусочек хлеба или ещё что подадут. Так и прожили ещё одну страшную голодную зиму 30-31 года под страхом своего бесправия на этой земле.

Об отце и старшем брате Иване ещё ничего не знали. Где они? И что с ними? В эту зиму ослеп Миша. Помню, как при закрытых окнах в тёмной избе, на печке чувствовал свет при открытии дверей с мольбой кричал, чтобы закрыли скорее дверь, так сильно свет резал ему глаза. Лечили местными средствами - сахарной пудрой и закапыванием грудного женского молока. О врачах нам неведомо было, что они есть на свете, да кто посмел бы обратиться к ним, если и знали о них?

Почти регулярно раз в неделю один из родственников давал мне одну лошадиную голову, откуда он их брал, не знаю. Говорят он резал лошадей и продавал мясо. Я эту голову разрубал топором на куски, и варили из неё суп. Вариво продолжалось очень долго и пенилось, как современный шампунь, а есть приходилось полусырым. Не хватало ни времени, не хватало дров, то есть не на чём варить. После такой еды систематически болели животы.

Кое-как перезимовали в этом хуторе Убейское. Мамины сёстры из Бобринки писали, что вроде бы всё поутихло, и просили приехать обратно к ним в Бобринку. И мам решила, что хуже не будет, ведь там у неё четыре сестры, два брата и родная земля, близкие друзья и, конечно, там же были и надруги. И так мы после долгих скитаний и мытарств вернулись в Бобринку, но уже не домой. От нашего, не только дома, но и от всего подворья ничего не осталось.

Поселились мы, а это я, Вася, Миша и мама, у маминых сестёр, для нас тёток. Они так и не вышли замуж и жили вместе в одной землянке. Поначалу нас приняли тепло

и радушно, маму приглашали иногда работать в столовую, оттуда и нам кое-что приносила покушать. Осенью мы собирали в поле колоски и набрали немного зерна. Я и Вася лазили по заброшенным садам, насобирали и засушили яблок и китаек. Вроде бы кое-как можно было жить, но вдруг, опять пошла облева на тех, кто какими-либо путями сбежал из ссылки и как-то ускользнул от репрессий, их вылавливали и собирали в одну из деревушек. Схватили и маму с братом Васей и Михаилом. Он по-прежнему ещё плохо ходил своими ножками. Меня почему-то не взяли, видимо потому, что я был вывезен с Котласа легально. Я оставался у тёток. Дальше события развивались так: мама и брат Вася рассказывали позже, на выселках им пришлось совсем плохо, не давали никакого пайка, из деревни никого и куда не выпускали.

И всё-таки, с большим трудом, о чём лишь мама знала, как уйти из этой деревни с детьми, один из которых не мог ходить. Под покровом тёмной ночи удалось проскочить заставу и так же ночью пришли опять в Бобринку, но уже не к тёткам, это было опасно, а к маминому брату Фёдору Евдокимовичу. Его землянка стояла ближе к реке, а за рекою был лесок, где можно было пролежать день. Здесь же уже поджидал их мамин отец Евдоким Агапович. Он еще, когда начали раскулачивать, исчез из деревни со своим сыном Макаром, после чего лично я их обоих никогда не видел. Они тоже подлежали аресту. Он-то и помог маме с детьми пробраться к реке Волге, а оттуда доехать до заранее известной ему деревни Бахриво Сампурского района Тамбовской области. Он знал, что там много картошки и на приусадебных огородах сеют рожь. А это значит, по его мнению, голодовки не будет в тех краях. Действительно, это было так, и мама была очень благодарна ему за такую большую помощь. Дед там с ними долго не жил, он опять куда-то исчез. Мама про него рассказывала, что он был очень экономным и учил этому своих домочадцев. Последний раз, по словам мамы, он сделал саночки, положил круглую буханку хлеба, наварил картошки в мундире, попрощался с ними, сказал, что харчей ему хватит на неделю, хлеб и варёная картошка на морозе не пропадут. Вот теперь пойду и помогу сыну Макару. Это была последняя встреча и разговор, не встретила мама больше ни брата, ни отца. Промелькнул чёрный слушок о них, но об этом чуть ниже.

И так я описал про маму и братьев. Сам же продолжал жить у тёток, где мама оставила небольшой мешок зерна и сухофрукты, больше ничего. Хорошо, что мама с братьями моими ноги унесли отсюда. Зимой я прожил относительно нормально, вот к весне все запасы кончились, и по всей деревне начался голод. Но кто мог работать, тем на работе давали какую-то похлебку и небольшой кусочек хлеба. Это только тем, кто работал на своих коровах, дополнительно давали еще 300 гр. хлеба. Кто не мог работать - живи, как хочешь. Мои тетки уехали на посев, там они и ночевали, а я в пустой хате, где не было ни пылинки, ни соринки, что можно было пожевать. Практически они от меня отказались. Мои все помыслы и думы были направлены на то, чтобы немного чего-нибудь поесть. Недаром говорят в народе, что мысли, как у голодного волка, на все готов ради еды! По соседству жила еще одна сестра мамина. Жила она лучше остальных сестер. Она была замужем за милиционером и, конечно, он получал какой-то паек побольше, чем остальные люди. Но мне она ничем не помогала и даже старалась меня абсолютно не замечать, может, боялась скомпрометировать себя, ведь меня все так же называли "кулацкий отпрыск", это, видимо, и отпугивало от меня всех людей и даже близких.

Я решил в поисках пищи забраться к ней в дом. Пролез через окно в дом, нашёл в сундуке хлеб. На полке крынку молока и, не думая о последствиях, начал "царский" обед. Вдруг залетает в дом тётка Федоська, так её звали, успела схватить меня за рубаху, я вырвался от неё, но уже без рубахи, но на крыльце меня схватил её муж милиционер и прижал меня так, что у меня со рта пошла кровь. Бросили они меня в кладовку этого же дома. Этот дом принадлежал раньше Кравцову, который так же, как и мы, раскулаченный и так же оказался в том же Котласе №34, где был и я. Этот дом был сделан добротно, из пластин, и я очутился в этой крепости и даже под замком. Вскоре появился дед Роман, он-то меня и засёк, он и заложил, больше меня никто не видел как я пробирался к дому. Долго обсуждали, что со мной делать? Куда меня девать? Особо агрессивно говорили и предлагали различные варианты. Моя тётка и дед Роман в чём-то возражали, но всё-таки разошлись, а деду поручили присматривать

За домом.

Я, конечно, напугался, не зная, что они решили, и что будут со мной делать...

Решил попробовать убежать. Пробрался на самую верхнюю полку, они просто лежали на шпигрях, и снял одну доску и этой доской пробил потолок, он крепился мелкими гвоздями, вылез в этот проём и положил все пластины на место. Забегая вперёд, скажу, хозяева долго ломали голову над тем, как я мог убежать?

Забегал в землянку, одел другую рубашонку, схватил пальтишко и убежал по огородам из своей деревни в сторону Волги. Я примерно знал, в какую сторону нужно идти, чтобы дойти до берега Волги, где жил какой-то родственник дядя Кирилл.

Помню, это было в мае месяце. Припекало яркое солнышко, люди сажали огороды, в степи стояли сеялки, конечно, пустые, но в ячейках кое-где были оставшиеся зернышки от посевной, я с большой радостью выбирал их и сразу же ел. Это и было основное моё пропитание. Пробовал побираться в деревнях, которые были на моём пути, но почти никто ничего мне не давал.

Помню, зашёл в одну хату, попросил у хозяйки милостыню, а она мне грубо отказала, дескать, сами голодные сидим. Немудрено поверить, что это была правда, но когда я выходил из коридора, то увидел глиняный кувшин с молоком, не задумываясь за последствия, схватил, и быстро выпил

содержимое и пошел со двора. Хозяйка сообразила, почему я задержался в коридоре.

Выбежала со двора и вслед мне начала ругать, конечно, за молоко. Ребятишки догнали и начали избивать меня. Я упал на землю и думал, что и правда лежачего не бьют, но они, видимо, еще не знали этого афоризма, продолжали меня футболить ногами. Хорошо, что они были босиком и потому все их удары переносил легко, к тому же я согнулся так, чтобы оградить живот с молоком от ударов.

Но вскоре подошел какой-то старик и разогнал детвору от меня. Я встал и пошел дальше к дяде Кириллу.

Не помню через сколько дней я дошел туда, где жил этот дядя, но в хуторе не было ни одной души, все куда-то исчезли. Дошел я до ближайшего села, там мне сказали, что это село большое называется "Савкин Затон", а твоего дяди уже нет, он умер с голода, а его сын с женой жили вон в том доме, но что-то их не видно. Сходи узнай.

Я пошел к дому, зашел во двор, все раскидано, в хате тоже кругом валялись порванные подушки, перья, тряпки. Что-то неладное, сразу видно. Только стал выходить со двора, дорогу мне преградил какой-то старец с большой белой бородой. Я конечно, объяснил ему, кто я и зачем пришел, после чего дед рассказал мне, что родственники твои украли у соседней ребенка и, по-видимому, его съели, а соседи теперь, хотят порезать их самих, вот потому они ночью сбежали из дома, иначе им все равно будет капут. А ты, далее сказал мне дед, беги отсюда, иначе и тебя зарежут.

Я, не разбирая дороги, ушел из этой деревни обратно в Бобринку, иначе я не знал пути куда идти... Добирался эти 40 км. не менее 3-5 дней, питался зернышками с сеялок, яичками птичек, которые несут яички в старых суслиных норах, молодой травкой. А однажды мне пришлось быть свидетелем потрясающей драмы: большой еж держал за хвост змею и потихоньку её ел с хвоста, она же вся взвизывалась, разинув огромный свой рот в своём бессилии, потому как ничего не могла сделать ежу. Он был защищен своими иглами и был преспокоен за свою безопасность. Я обошел это страшное зрелище, но оно никогда не выходило из головы...

Совсем было ушёл, но потом, гонимый голодом, решил вернуться убить ежа и съесть его. Слышал я как-то, что у ежа очень хорошее мясо. Но когда вернулся к этому месту, то уже не было ни ежа, ни змеи. И только тут пришло ко мне сожаление и о потерянном мясе ежа и змеи и о своей нерешительности и несообразительности и о медлительности моего мышления, главным образом голод говорил мне, сколько мяса упущено зря!!!

Ночевал все ночи в степи в старых соломах или копнах. Однажды проснулся утром и пошёл в сторону Бобринки, навстречу мне вижу бежит какая-то большая серая и лохматая собака, я без особого страха пропустил её мимо себя, а зверь осторожно прошёл мимо меня. Впереди виднелся какой-то посёлок, и когда я стал подходить к нему ближе, то от первых домов бежали ко мне мужики с палками и ребятишки с ними, тут мне стало страшнее, чем при встрече с лохматым зверем. Но они подбежали ко мне и стали спрашивать, как же тебя не разорвал волк? Как ты от него отбил или

убежал? Только тогда я понял, что это была не собака, а настоящий дикий волк. Я им всё рассказал, как мы с ним встретились и как мирно разошлись. Мужики и ребятишки удивлённо посмотрели на меня и рассказали, что этот волк только сейчас разорвал телку и с трудом отогнали от добычи. Мне дали небольшой кусочек свежей сырой печёнки, сказали, что за храбрость. Я её тут же съел сырую, попросил ещё, не дали, но выпросил кусочек кишки и тоже съел. Подкрепился, благодаря волку! Мы в этом едины, нас объединял в поступках - ГОЛОД. Подкрепившись, я пошегал ближе к Бобринке. Что-то тянуло меня туда, какое-то предчувствие души, а мозг и сознание твердило мне - чего спешишь? Кто тебя там ждёт? И ясный и чёткий ответ - никто. Тётки теперь рады, что я куда-то исчез, ведь они меня не гнали. У них совесть чиста... Я сам ушёл...

Про отца ничего не знаю, что с ним и жив ли он? Мама с братьями тоже где-то и что с ними не знаю. А они мои родные, конечно, тоже ничего не знают обо мне. Не знают и о том, долго я так не проживу, хорошие волки попадаются редко, и скоро погибну от голода где-нибудь на дороге или в скирде старой соломы. От таких мыслей ноги отказывались двигаться, уже не хотелось есть, наступала дремота, терялась память. А когда возвращалось сознание, то не мог понять, что это, утро или вечер ??? и сколько времени я лежал и какой день я иду к Бобринке? и зачем я туда иду. Но идти куда-то надо. Опять поднимался и опять брёл по дороге. В это время мне уже ничего не страшно было: ни волки, ни злые люди, что ещё хуже зверя. И страшно было то, что я уже "абсолютно был сыт" не хотел есть, и не стремился к этому. Наступило спокойное безразличие ко всему вокруг и к самой жизни, я чувствовал свою беспомощность. Змея боролась с ежом как могла, у меня уже не было сил для борьбы за жизнь.

Вспомнил я слова коменданта Котлага, что лес рубят - щепки летят. Значит так надо. Значит я щепка. А щепки никому не нужны. В то время мне было не более 10 лет и должен быть, не щепкой, а человеком, но кто-то считал по-иному.

Не помню, как и когда я добрался до тёткиной землянки, как встретился с братом Василием. Наверно с таким же безразличием и без эмоций. Только помню, он мне говорил - где ты бродишь, я тебя уже не один день жду, и собрался уже уходить без тебя. Он действительно был послан мамой за мной один от Волги. Шёл по чужим степям на расстоянии 50 километров до Бобринки, а ему было тоже где-то 8-9 лет. Маме сюда показываться было нельзя - засекут и схватят опять, затравят как волка с волчатами.

Мама ждала нас обоих на Волге у своего брата Степана. Я с Васей, на мешкая, не показываясь людям, прошли за речку, и пошли напрямик или старыми дорогами в сторону Волги к маме. Василий дал мне сухарик, у него те запасы, что дала ему мама на дорогу тоже кончились, но он говорил, что дойдём до мамы, там есть сухарики и немного пшена. К нам привязалась тётя Марьяна, думая тоже чем-нибудь поживиться у сестры. Василий с тётей шли быстро, а я далеко отставал от них. Она говорила брату, что он догонит нас, он притворяется. Потом рассказывал Василий, что я упал где-то и меня не стало видно, обессилев, потерял сознание. Тётка настойчиво твердила, что я притворяюсь, и не хотела возвращаться за мной, он догонит нас. Но Вася вернулся, это оказалось, что я далеко отстал, и он меня чуть-чуть не потерял, он меня поднял, и мы потихоньку пошли с ним вслед за тёткой.

Не помню, сколько времени мы шли, но когда пришли к маме, она первым делом накормила нас пшённым кулешом и дала по сухарику. Я ожил. Ко мне стали возвращаться силы. Мама с тёткой, помню, сильно ругались из-за меня. Василий тоже рассказывал маме о том, что узнал про моё там житьё, у тёток, про дорогу тоже рассказывал ей.

Наутро мама со всем семейством (я, Василий и Михаил) пошли на пристань Балаково, купила мама билет на пароход по Волге до городка Камышина. Питались уже в натяжечку, что было в запасе харчей, поистратили, побираться на пароходе мама запрещала, боялась, чтобы не узнали, что мы раскулаченные и сосланные, иначе поймут и опять...

Располагались мы прямо на палубе, тут же лежали всякие грузы, ящики, мешки с мукой. На них мы и лежали, потому что больше нигде было людям размещаться. Мы

воспользовались этой теснотой и, в удобный момент, протыкали гвоздём дырочку в мешке с мукой и оттуда потихонечку высыпалась мука в кружечку или консервную баночку. Оставалось только заварить кипятком, который был на палубе, и еда готова, для нас это было величайшим деликатесом. Но нас засекли и чуть не выбросили с парохода. Однако ограничились крепкой руганью и запретом подходить к мешкам. Так мы добрались до Камышина, там сели на поезд до Тамбова. Пешком дошли до села Бахрево, где мама уже имела договорённость, где можно проживать в одной из хатёнок. Питание стало "разнообразным", всё, что нам подадут, когда мы побираемся. Выпрашивали милостыню вдвоём с Васей. Вначале подавали хорошо. Кто кусочек хлеба, кто картофелину, кто стаканчик молочка, для этого у нас была припасена чёрная литровая бутылка, туда мы и сливали. И до сих пор я очень благодарен людям этих сёл, что хоть как-то кормили нас. Я приносил почти в половину меньше подаваний в сумке, чем Василий. В чем причина? Я не знал. Может, был немного старше, а маленьким всегда подавали больше, может он умел лучше выпрашивать, то есть был более "профессионален" и фраза: "Подайте милостыню Христа ради голодающему" в устах маленького человека звучит внушительнее и за душу хватает любого человека. Не знаю. Но было так, как было, о чем пишу.

Мама помогала людям в разных домашних работах: сажала, полола, копала картофель людям, нянчила соседских детей, выполняла и прочие людские работы. Расплачивались в основном картошкой, иногда давали немного хлеба.

Осенью мы все ходили на колхозные, уже убранные поля картофеля, перекапывали и находили там брошенную в земле картошку. Иногда меня нанимали на маслобойке погонять лошадей, которые приводили в движение механизмы маслобойного цеха. За целую ночь работы мне давали четвертушку (250 гр.) растительного масла. Там перерабатывали на масло семена подсолнуха, горчицы, льна, сурепки, конопли и даже семена мака и тыквы. Жмых иногда попадал и нам. Но это было далеко не часто, больше попадало пинков и подзатыльников.

Жили мы, как я уже говорил, в какой-то хатёнке, ничего у нас из постели не было, спали все четверо на русской печи, никакой подстилки, вместо подушек свои пальтишки. Печь топили всяким мусором и соломой, солома хранилась здесь же в хате, это было страшно опасно, в любое время могли сгореть. В углу под потолком висел мешок с запасами различного зерна на чёрный день. Мышей в соломе было так много, что они иногда забирались даже на мешок нашего НЗ (неприкосновенного запаса). В хате не было ни коек, ни стола, ни стульев, обедали прямо на соломе. Окна были заложены саманом, с маленькими застеклёнными рамочками. И всё это казалось нам, что мы живём уже очень хорошо в сравнении с прошлым 1931 годом. Я даже боялся вспомнить об этом страшном голоде и молился богу, чтобы этот год никогда не повторился. А вот с одеждой и обувью дело обстояло очень плохо. Мама латала нам какой-нибудь мешковиной всё: и штаны, и рубашки, и наши "пальто", если так их можно было назвать, была латка на латке разного цвета и разного качества (больше прелого). Вместо ниток, в их и в помине не было, мы с волокна конопли плели коротенькие верёвочки, и мама большой иглой пришивала нам "модные" латки. Вот всё из латок и состояло наше одеяние и обувание, на верёвочках да на латочках.

К этому времени мы уже знали, что наш папа, Филипп Захарович, жив и где-то нелегально работает, но нам помочь не может. Но и это известие для нас уже хорошо, какая-то надежда. Ведь он ЖИВ! А о брате, Иване Филипповиче, тогда мы ничего не знали. Где он и что с ним?

Но пройдёт немного времени и может быть, думали мы, соберёмся вместе опять прежней семьёй. Не хотелось думать, что впереди нас поджидает ещё ряд чёрных дней.

Наступил 1933 год. Год сильнейшего голода, который охватил не только Саратовскую область, но распространился на соседние области Поволжья и Украины. Мы резко ощутили это, находясь в Бахрево. Нам редко в какой хате стали подавать милостыню, а ведь это основной источник питания и существования на данном этапе нашей жизни. Стали с братом ходить не через день, а каждый день просить милостыню, но и это не намного увеличило наш рацион питания. В эту область набежало множество голодающих со всех концов. Стали нас уже выгонять из домов, закрывать от нас

двери, за весь день удавалось выпросить лишь 2-3 картофелины или самовольно схватить с помойного ведра шкорок от картошки, и за это получали иногда кулаки в спину от хозяйки или от ребятишек этого дома. Действительно, страшно вспомнить, сколько ходило побирушек и женщин и мужчин, но таких маленьких, как мы с Васей, было очень мало, наверно, померли от голода. Встречалось, что где-либо под забором валялись мёртвые люди, распухшие от голода. Мы же, если приносили домой картошечку или корки от неё, то мама варила это с травой "калачики" или крапивой и тогда ели все вместе, а если удавалось принести стаканчик какого-либо молочка, то вливали его в это ведро с травой, и вкус еды преобразался во что-то вкусное. Животы от этой "вкуснятины" были большие, а ноги и руки очень тоненькие...

Особенно от этого страдал самый младший брат Михаил, ведь он в это время никуда не ходил и сидел в этой хате или около неё. Маме, по нашему общему согласию всех детей, решили, чтоб она ежедневно варила себя в консервной баночке, из резерва, пшенный суп. Мы понимали, что нужно поддержать хоть её. Иначе, если умрет с голода первой, то тогда мы погибнем все, если умрёт кто-то из нас, это не отразится особенно на остальных...

Время шло. Начала созревать рожь. Мы ходили ежедневно побирушиться, но уже никто почти ничего не подавал нам. Местные люди не голодали, хоть хлеб может, был не у всех, зато картошкой все они были обеспечены, а если была у кого корова, то это уже хорошо.

Мы иногда забегали в поле и рвали ржаные колосья, сушили их, выминали зёрна и сразу ели их, боялись, что попадемся объездчикам на верховых конях.

Когда у колхозников появился первый свежий ржаной хлеб, то хозяйка нашей комнаты решила сотворить пакость по умыслу или из жалости к существованию нашего маленького брата Михаила. Она дала ему кусок свежее испеченного ржаного хлеба. Он с большой радостью взял этот хлеб и ушёл из дома, спрятался в осоке около реки. Дома не ночевал. Когда вернулся домой, то рассказал, что ему хозяйка Устинья дала хлеб для того, чтобы он поел этот хлеб на голодный желудок и умер, как это случалось очень часто с теми, кто сразу съедает много свежего хлеба. Я говорит Михаил, сразу догадался, что она задумала меня погубить, и пошёл к реке и там не ел хлеб, а потихоньку сосал его, запивая водой из реки, слышал от людей, что если съем хлеб, значит, помру тут же. Так хозяйка, вместо задуманной пакости помогла ему прожить до нового урожая. Потом она об этом сама призналась, из-за чего они с мамой крупно разговаривали.

К этому времени мы получили ещё письмо от отца. Он много раз пытался бежать с севера, но его ловили палочники, избивали, как хотели и опять отправляли в лагерь. Всё-таки он убежал. Как-то проплыл по Волге на плоту, добрался до Махачкалы, там собирал хлопок, распиливал брёвна на доски вручную. Заболел малярией. Как-то получил справку как рабочий гражданин, приехал в Сталинград и уже легально поступил работать на в Бекетовский Дорстрой, укладывал бульжники в дорогу. Потом стал конюхом тут же. Вскоре приехал к нам в Бахрево и забрал меня с собой. Остальные остались ещё там на Тамбовщине.

Так я стал жить с отцом, но без мамы. Жили в Бекетовке в общежитии, спали на одной койке. В одной комнате было восемь человек мужчин. Здесь я пошёл в школу, сразу во второй класс, мне уже было лет 12. Я уже не побирушился и покупал хлеб на заработанные отцом деньги. Я в свободное время торговал папиросами штучно среди своих рабочих. Куплю пачку папирос "Ракета" за 35 копеек, а поштучно продавал по 2 копейки за штуку. Торговал, чтобы не видел милиционер. Хлеб тогда стоил размоленный 1 кг. - 1руб. 10коп, ржаной леклеванный 1руб. 30коп. В магазинах было очень много солёной рыбы в бочках. На Тамбовщине много картошки, но нет рыбы. Я покупал рыбу, и мы отсылали посылками маме, она там меняла на картошку и хлеб. Папа взял бы семью сюда, но негде было жить, нет квартир.

Помню, мы с папой ходили на праздничные демонстрации в Сталинград. Народу было много и каждому, после демонстрации, давали талон на бесплатный обед. Отоваривали талоны в любой столовой. Все стремились попасть на демонстрацию и редовались там не празднику, а талону на обед.

В жизни отца произошло большое событие, он получил трёхмесячный паспорт! Он

В то время при каждом совхозе были политотделы, вот туда эти документы и должны были переслать для принятия соответствующих мер и исполнения документа, но их-то туда сумели не передать благодаря покровителю, деяния которого определили нашу дальнейшую судьбу. Так отцу удалось избежать кары властей - ареста и дальнейших мытарств. Но жить ещё долго пришлось под неотступным страхом днём и ночью, а ну-ка всплывёт???

Многих в совхозе в эти дни, а вернее, ночи увезли куда-то и видимо оттуда они уже не сбежали и не вернулись... Никто не знал, за что их арестовали. Это делалось тихо в глухую ночь. Так мы и жили.

Я окончил 7 классов, работал кочегаром на пекарне. Окончил курсы комбайнёров. Хотел поступить учиться в техникум в Сарепте на судостроительный, не приняли. Зато в армию призвали и это хорошо. Могло быть значительно хуже...

Вставай страна огромная ✓

Попал я для прохождения службы в 28-й танковый полк БТ-7, под Москву в Нарофоминск. Там я служил радистом танка до начала войны 1941 года. На второй день войны нас по тревоге отправили на фронт. Под Витебском попали под первую немецкую бомбёжку.

Дело было с вечера, налетели самолёты начали бомбометание по целям, которые указывали немецкие наводчики ракетами прямо из окон и крыш многоэтажных домов, их называли диверсантами. Наши зенитки очень усердно стреляли по самолётам, которые освещали множество прожекторов. Часа через два бомбёжка прекратилась, но горели нефтебаза, вокзал и несколько жилых объектов.

Недалеко от города нас разгрузили, пополнили ещё танками. Я попал радистом в тяжёлый батальон танков КВ "Клим Ворошилов". Своим ходом дошли до города Лепель, там дозаправились горючим и боеприпасами со склада в каком-то глухом лесу и заняли оборону. Утром на дороге, ведущей в Минск, появились немецкие мотоциклы. Мы, воодушевлённые энтузиазмом, решили их подавить танками. Перерезали им дорогу и думали, что им капут, но они быстро свернули с дороги в рожь, которая примыкала к дороге и уходила куда-то к перелескам, и скрылись в этой высокой ржи. Мы на тяжёлых танках старались их догнать. Их мы не нашли, оглянувшись назад, увидели, как поыхала огнём рожь. Через пламя огня вернуться назад не решились и поехали к болотам, думая, что нашему КВ всё нипочём, - проедем. Но не проехали. Танк стал тонуть в болоте, пока мы успели вылезти, и башня стала скрываться в эту пучину. Мы переползли через болото в сторону штаба полка. Полк встретил немецкие танки и вёл жестокий танковый бой. Немало погорело наших танков вместе с экипажами. Остальные танки были разбиты самолётами. Оставшихся в живых собрали и начали спешно отступать. У нас никакого оружия, кроме револьверов, не было, оказать сопротивление немцам без оружия мы не могли. Нас вернули на переформировку в тыл.

Но где тыл, где фронт, понять в то время было нелегко. По дорогам везде мы натыкались на немецкий десант. Сколько их там в лесу, мы не знаем, раз стреляют, значит много. Вот и приходилось кружить по лесу и по болотам по несколько дней. Отходили небольшими группами. Пункт сбора оставшихся от полка бойцов, назначили за Смоленском. Сюда же собирались остатки многих разбитых воинских частей для переформирования. Шли только ночами потому, что днём самолёты немецкие расстреливали всех, кто отступал и двигался по дорогам.

Проходили большие расстояния, кто отставал от усталости, то замыкающие старшины или офицеры могли и пристрелить. Таково было указание свыше. От такого воздействия быстро проходила усталость, и люди шли и шли, преодолевая эту усталость.

По пути нас иногда останавливали пехотные офицеры и пытались присоединить к своей части, но офицеры-танкисты хорошо знали приказ Сталина, согласно которому лётчиков и танкистов, идущих с фронта, не задерживать и не использовать не по

специальности.

Были случаи, когда мы тоже участвовали в окружении небольших групп десантников. После чего продолжали отход.

Немецкие самолёты всё больше нагнали, летая по дорогам на самой малой высоте, как говорят, на бреющем полёте, и расстреливали из пулемётов все мишени, даже одиночного человека.

Старались уходить, в основном, ночью, но летняя ночь слишком коротка и потому оказывалось, что немалую часть своего пути мы шли по светлому, то есть днём.

Однажды нам пришлось воспользоваться попутной машиной - бортовой ГАЗ, там уже сидели какие-то "славяне", так называли друг друга солдаты во время войны. Не доезжая до Соловьёвской переправы над нами, метрах в двадцати, пролетел самолёт и начал тут же приземляться впереди нас на поляне и на лету, вернее, на ходу стали выпрыгивать на землю немцы и стрелять по нас. Но нам удалось быстро проскочить в зону недосягаемости вражеских пуль автоматов. Он не расстрелял нас потому, что готовился к приземлению и было не до нас, а мы его не сбили, потому, что нечем было сбивать. После нас по этой дороге никто не проезжал, немцы перекрыли эту дорогу. Мы же благополучно доехали до переправы через Днепр. Но вот там-то и ожидали странные сюрпризы.

Немец непрерывно бомбил эту переправу, куда после взрыва моста через Днепр в Ярцево, хлынули все люди и машины, идущие на Восток для переформирования и пополнения, как, в данном случае остатки и нашего полка. Так вот здесь собралось множество всяких машин, так, что близко к переправе не подойдёшь, одни горели, другие взрывались. Кругом убитые, раненые кричали, вокруг некоторых машин валялись разбитые ящики с шоколадом, галетами, колбасой, водкой и хлебом, но никому ничего не надо, вернее, не до этого. Все стремились перебраться на ту сторону Днепра.

Офицеры с револьверами в руках бегали между машинами и собирали солдат, кто не ранен, и с криками и угрозами гнали делать переправу. А немец аккуратно делал свое подлое дело: через каждые полчаса налетали несколько самолётов и снова летела переправа вместе с людьми и техникой в воздух и снова оставшиеся старались восстановить переправу. А самолёты на бреющем полёте расстреливали подходившие туда машины и людей, которые в страхе метались около машин. Мне тоже пришлось носить брёвна с разобранного дома этой деревни к переправе, но при очередном налёте мы с одним солдатом побежали не в рожь, куда бежали все, а к деревне и увидели яму, из которой, наверно, брали глину. Вот туда мы и прыгнули, чтобы спрятаться от обстрела. Самолёт улетел, обстрел кончился. Мы с этим другом к переправе не вернулись. Нашли в деревне какие-то подушки и решили на них переправиться через Днепр, он в верхнем течении не широк. У меня не было вещей, всё бросил на берегу. У моего напарника было много денег в вещмешке. Он объяснил, что среди разбитых машин, была разбита и машина с деньгами. Они валялись пачками вокруг машины крупными и мелкими купюрами.

Не пришлось нам переплыть Днепр на этих подушках. На середине реки подушки вместе с нами стали идти ко дну, мы стали тонуть. К моему счастью, мимо меня проплывало какое-то бревно сверху по течению Днепра. Мне удалось схватиться за это бревно и доплыть к противоположному берегу реки. Куда девался мой попутчик, я не знаю. Вышел я на берег, стал сушить одежду на полянке и смотреть, как очередная группа немецких самолётов снова штурмовала переправу. Обсушился, немного отдохнул и пошёл в сторону Вязьмы, дорогой попались попутчики. Переночевали в деревушке уже не опасаясь, что поблизости немецкий десант. По дорогам стояли столбики с дощечками, где было написано, что воинский сборный пункт такой-то части находится 5км за поворотом и т. д. Нашёл и я столбик своего полка. Из нашей части собралось очень мало танкистов. Вскоре нас отправили на Горьковский автозавод. Там нас скомплектовали в отдельный танковый батальон, немного подучили на новые лёгкие танки Т-60. Я попал командиром танка. На вооружении в нём был один пулемёт и одна мелкокалиберная пушка автоматическая пушка "Швак". Вес танка в пределах 5 тонн, мотор газовский на высококачественном бензине. Тренировочные стрельбы проводили в подвалах завода. Присвоили нашему батальону №150 и срочно отправили под Москву. В то время немец подошёл к Москве, и шли там тяжелейшие бои на

ближних подступах к столице. Верховное командование вынуждено бросать туда всё, что можно. Нас погрузили на эшелон и повезли к Москве. Настроение было скверное. Дорогой танкисты пили из радиаторов антифриз вместо водки, некоторые от него слепли или умирали. Один солдат уговаривал меня сбежать с поезда, точнее, дезертировать, пробраться на Кавказ и там отсидеться в горах, пока окончится война. Я его за это отругал и естественно, отказался составить ему компанию. Но его всё-таки на утро не оказалось. Только не верю, чтобы он мог осуществить свой замысел. Во-первых, он на первом вокзале будет задержан и отправлен в штрафбат, а во-вторых, возмездие всё равно наступит в войну ли или после войны, на Кавказе или в Москве. В то время и родители несли ответственность за своих сыновей.

И так мы доехали до Москвы, но в бой нас не послали. К этому времени фашисты от Москвы уже стали отступать. При отступлении они жгли деревни, под натиском наших войск бросали технику. А мы стали нужнее в другом месте. Повезли нас к Старой Руссе, не доезжая 50 километров на станции Крестцы нас разгрузили. В тот год зима была жестокой, стояли сильные морозы, метели и много-много снега. В наших танках в радиаторах для охлаждения двигателя использовался антифриз, а не вода. Нам, в дополнение к шинели, дали фуфайку и валенки, но всё равно было холодно. Вскоре и нас пустили в бой за одну деревушку Михалкино, от которой осталось только название, написанное на дощечке, а сама деревенька была сожжена немцами. От деревни остались одни русские печи с высокими дымовыми трубами. Людей поблизости не было, все разбежались в лес.

Несмотря на сильные морозы, тяжёлые танки по болотам проходить не могли, проваливались и топли. Поэтому пустили наши более лёгкие танки и более проходимые в этих местах. Броня наших лёгких танков способна защитить экипаж только от пулемётно-винтовочных выстрелов. Немцы, конечно, знали толщину нашей брони и заранее приготовились к отражению атаки. Мы же этого не доучли и думали, что такой силой танков сходу сомнём оборону противника и овладеем высотой, выполнив поставленную перед нами задачу. Но едва мы успели подойти к линии неприятельской обороны, как на нас посыпался шквал огня малокалиберных автоматических пушек, откуда-то взявшихся, или специально приготовленных для нас. Видимо, так оно и было. Они были хорошо замаскированы, что наши командиры и разведка этого не заметили. В результате этих промахов наши танки стали гореть, как огромные факелы, а в них догорали живые, убитые и раненые экипажи танкистов. В каждом танке 350 литров бензина, при попадании снаряда разбитые бензобаки вспыхивали и обливали весь экипаж, отчего даже не раненые танкисты не успевали выпрыгнуть из горящего танка и вместе с машиной гибли. Я, на своём танке Т-60, шёл левым крылом, охватывая эту высоту, и непрерывно вёл огонь по копошившимся впереди немецким солдатам. Из танка очень плохо видно, что делается вокруг тебя, но моя задача прочистить путь пехоте, чтобы достигнуть пункта сосредоточения и выполнения боевой задачи. Мне удалось выполнить задание. Но дойти сюда суждено было не многим. Лишь 8 танков Т-60 из 40 дошли невредимыми, остальные были подбиты или сгорели. За эту операцию был впервые награждён медалью "За боевые заслуги".

После "победоносного наступления" наш 150 танковый батальон расформировали, а нас передали в соседний танковый полк Т-34, где я проходил дальнейшую службу на фронте.

Вспоминаю бои за Старую Руссу в 1941-42 годы. Немецкая авиация всё время преследовала нас. При первой возможности самолёты бомбили нас на низкой высоте, даже хорошо замаскированную в лесу технику и людей. Наши же самолёты мы видели редко. Но вот ночью много раз наблюдали как наши "кукурузники" ночью бомбили немецкий передний край обороны. За штурвалом этих самолётов в основном были женщины! Бомбили в большинстве случаев не только бомбами, всё шло в дело: бомбы, мины, гранаты. К передовой подлетали бесшумно, как планер, с выключенными моторами, но если попадал самолёт под прожектор и пулемётный огонь, то включали двигатель на полную мощность и уходили скорее на свою сторону. После этого "беспокойства" немцы до утра не спали и прощупывали небо, опасаясь очередного налёта наших У-2.

Однажды немцы вынудили нашу пехоту покинуть деревню Марфа, но наше командование решило её отбить у противника. Командир полка приказывает мне в 12 часов дня, когда немцы обычно обедают, на большой скорости проскочить в деревню и, не сбавляя скорости, поехать по деревне, обстрелять всё, что попадается на пути, и вернуться обратно.

Задачу понять не трудно, выполнить труднее, а уж вернуться... Видимо кому как суждено. Я проверил свою пушку, пулемёт, дозаправил боекомплект, дорогой открыл свой люк, объяснил задачу своему водителю и приступил к выполнению. Задания не обсуждают, их беспрекословно выполняют.

Удачно проскочил передовое охранение, начал стрелять по суетившимся около кухонь с котлами немцам, по повозкам и ещё по каким-то машинам. Причём стрелял одновременно пулемётом и пушкой короткими очередями по всему, что попадалось в прицел орудия. Дым и гарь от стрельбы не успевал выходить даже через открытый люк. У этого танка не было никакого глушителя шума мотора, и на полных оборотах он создавал в деревне большой шум, куда больше, чем десятки танков вместе идущих. Видимо, этот эффект и нужен был тем, кто давал задание.

Водитель развернул танк назад и выехал из деревни, казалось, что всё благополучно должно завершиться, но не успели мы проехать один километр, как по нас открыли огонь из пушек, а этот танк пробивается простым пулемётом... Поэтому я и открыл люк на случай ранения, легче и быстрее выпрыгнуть из танка, чем сгореть. Я уже был в бою и видел, как горят раненые танкисты. Так и получилось. Немцы с близкого расстояния прошили танк, снаряды рвались в разбитом бензобаке, а в нём 360 литров бензина, бензиновая масса вспыхнула, точнее, взорвалась и меня выбросило в открытый мною ранее люк, отбросило в сторону от танка. Облитый бензином, я продолжал гореть. Поблизости были наши пехотинцы-разведчики, они подползли ко мне, утащили в овражек и потушили на мне пламя огня. А немцы ещё долго продолжали стрелять по пылающему танку, выражая злобу за нахальство и дерзость, помешавшие спокойно пообедать им. Водитель мой, высокий, стройный, красивый Аюпян, армянин по национальности, остался в танке и конечно сгорел. Потом, когда его вытащили из танка хоронить, от него остался небольшой комок угля. Я на третий день пришёл в сознание и вернулся в часть.

Меня тут же арестовали и посадили в блиндаже. Молодой особист-капитан предъявил мне обвинение, что я якобы выпрыгнул из танка. Я пытался объяснить ему, что меня выбросило взрывом бензина при взрыве снаряда, но он твердил своё, грозился отдать меня под трибунал и отправить в штрафбат, объясняя тем, что я в случае взрыва не успел бы открыть люк. Я же не осмелился ему признаться в том, что его открыл заранее, ещё перед боем. Это тоже нарушение устава. Он хорошо знал, что в моём положении я действительно должен был сгореть, как многие танки до меня, и вдруг я не сгорел, почему?..

К моему счастью, в землянку зашёл командир полка и стал ему объяснять, что мы все знаем о нём всё, он честно выполнил боевое задание. Отвлекая на себя противника, мы с другой стороны зашли в деревню и овладели ею почти без потерь, а командира танка старшего сержанта Чуприна представили к правительственной награде. После чего с меня сняли обвинение. Так я был спасён от трибунала. Вся вина моя состояла в том, почему я не погиб? Капитан особого отдела очень старался применить ко мне нарушение приказа главкома Сталина, который гласил, что за утерю или оставление личного оружия на поле боя виновный подлежит трибуналу.

Мне было приказано притащить танк в расположение нашей воинской части. Для этого дали тяжёлый танк (КВ) для большей безопасности и ночью, при лунном свете поехали к моему Т-60. Я лёг на подкрылок танка с противоположной стороны противника, экипаж находился внутри танка, а команды я передавал, как условились заранее, стуком молотка по броне. Когда подъехали к танку, то немцы открыли огонь, я же под прикрытием от огня врага тяжёлым танком, зацепил трос и дал команду вперёд. Так благополучно притащили Т-60 в расположение части. Наутро все начальники осмотрели полурасплавленный танк. Солдаты вынули останки сгоревшего водителя. Похоронили его на опушке леса. На могилке поставили столбик со звёздочкой из консервной банки, как и многим своим друзьям-танкистам, сгоревшим или убитым в бою.

Через несколько дней командир моей роты передал мне свой танк Т-60, конечно по распоряжению старшего начальства. Этот факт возмутил меня и моих друзей. Ведь это нарушало существовавшие среди танкистов традиции: на своем танке ожидать свою судьбу, кто кого переживет – танк тебя, или ты его. А тут на тебе. На чужом танке испытывать свою судьбу. Досадно, не справедливо, но приказ, есть приказ и его надо выполнять. Приказы не обсуждают, а приказы выполняют.

Поскольку таких легких танков в полку оставалось очень мало, т.к. они в большинстве своем погорели в бою, то меня закрепили связным у командира танкового полка. Это было числа 20 марта 1942 года. Деревень поблизости никаких не было, а если какие и были то все сожженные дотла и стояли только лишь обгоревшие печные трубы, а потому мы все располагались в лесу и летом и зимой. Делали землянки или просто блиндажи подальше от болота. Откуда наступали и куда ясности не было т.к. не было сплошной линии фронта. Стояла только одна ясная задача – взять Старую Руссу.

Танки нашего полка расположились на исходную позицию на опушке леса. Штук 20 Т-34. Это были самые лучшие танки того времени по всем показателям. Они готовились отразить немецкую контратаку. Но вдруг получилось так, что немец пошел в другом направлении, а наши танки засекла авиация противника. Начали обстреливать танки артиллерией и бомбить с воздуха. Командир полка приказал мне немедленно поехать на исходную позицию на своем Т-60 и передать всем командирам танков Е-34 приказ командира полка отойти на запасной рубеж. По прибытии на место, я остановил свой Т-60 под сосной и приказал водителю ожидать меня. Сам же, между взрывами вражеских снарядов и бомб побежал к нашим танкам. Мне необходимо было добежать до каждого танка, залезть на него и стуком по башне молотком заставить командира танка открыть мне револьверное отверстие в башне, а затем передать приказ о перемене позиции. Рации на танках в то время не было, хотя радиопулеметчик был на каждом танке. Так вот я оббежал все танки, петляя между взрывами снарядов по их воронкам. Я увидел, что некоторые танки уже начали отходить, значит, я свое задание выполнил и побежал к своему танку. Но не успел я взобраться на танк, как поблизости взорвалась авиабомба, сброшенная с одного из самолетов, все это время продолжавших непрерывно бомбить нас. Я свалился с брони танка на снег. Никакой боли не почувствовал, но правая нога отказалась подчиняться мне, стала бесчувственной деревяшкой и лишь пальцы ноги, чувствую, захлюпали в крови, как в воде. Только тут я понял, что ранен в бедро. Кровь потекла в валенок и залезть на танк я теперь не смогу. А вражеские самолеты поочередно заходят на пикирующее бомбометание. Я понимаю, что надо быстрее удалиться от танков, но подняться и бежать я не могу. Тогда, упиравшись одной ногой о снег, а руками хватаясь за него, я потихоньку пополз к просеке в лесу. Но вскоре у меня закружилась голова и мне показалось, что все вокруг перевернулось вверх ногами и я, чтобы не улететь от земли вверх, схватился за ствол сосны и ноги мои стали подпрыгивать от взрывов бомб очередного налета вражеских самолетов. В моей памяти проскочило, как в черно-белом кино лица моих родителей, братьев, близких и даже вроде бы попрощался я, как перед смертью со знакомой девчонкой. И стало вокруг меня как будто тихо и тепло, нигде ни какой боли. Почувствовал я лишь когда, подъехавшие танкисты, схватили меня за руки за ноги и бросили меня на танк, между собой переговариваясь: Так ведь это наш связной. Они то и отвезли меня в нашу Санчасть. Там немного обработали рану и отправили нас человек 6 на санитарной машине в тыл. Вот тут то и начались боли...

Затем я попал в госпиталь, который располагался в городе Ростов Ярославский в монастырских постройках. Сюда нас привезли уже по железной дороге в товарных вагонах. Почти все получали ранения на передовой под Старой Руссой. Там все время шли затяжные тяжелые и безрезультатные бои. По-видимому они имели целью отвлечь силы противника с тем, чтобы ослабить его наступление на Ленинград. Много там наши войска потеряли убитыми, а еще больше ранеными. И освободили этот плацдарм и Старую Руссу лишь когда нависла угроза для немцев попасть в окружение.

Так вот только в госпитале мне рассказали раненые однополчане, что водитель моего танка Т-60, где меня ранило, по фамилии Хатан, небольшого роста, уже пожилой мужчина, по национальности Крымский Турок сгорел в разбитом бомбой танке. До сего времени не пойму почему он не угнал танк куда либо в лес в укрытие? А может не успел? Таким образом погиб и второй мой водитель второго танка.

В городе Ростов Ярославский располагалось два или три госпиталя и больные

размещались по отдельным квартирам вместе с жильцами прямо на общих нарах, наспех сделанных из не остроганных досок. Питание нам приносили тоже какие-то красноармейцы из числа выздоравливающих. Врач и санитарки изредка приходили к нам осматривали нас и делали перевязки. Так я пролечился там до лета. Открытая рана зажила, но ходить еще было больно. Ведь рентген ноги мне не делали. Я в то время и не знал, что это за штука — рентген. И только через 40 лет после ранения уже в Ольховской поликлинике, когда усилились боли в ноге, на рентгеновском обследовании обнаружили в бедре правой ноги осколок величиной в вишню. Так этот осколок и до сих пор находится в моей ноге.

Предлагали удалить, но я не согласился!

После излечения в этом госпитале нас набрали в группу уже обстрелянных и опытных танкистов и направили опять же под Старую Руссу, чтобы ремонтировать сгоревшие и разбитые танки. Танки были не только советские Т-60, Т-70, «К В» (Клим Ворошилов), Т-34, ИС (Иосиф Сталин), но и американские М-3с, М-4с, а также английские «Мотильда» и «Волентайн», которые нам давали союзники по Ленд-лизу. Если английские танки были не плохие т.к. они имели дизельный мотор, литой корпус брони и башни, гидравлическую систему управления, низкую посадку корпуса и почти бесшумные на ходу, что позволяло использовать их даже в разведке, то американские танки были очень высокие и имели очень узкие гусеницы из-за этого недостатка они часто опрокидывались даже на не больших косогорах и мы вынуждены были приваривать еще полгусеницы, чтобы увеличить устойчивость танка от опрокидывания на косогорах и кюветах. Внутри все стенки были обложены паролем толщиной до 10 сантиметров. Мотор работал на высокооктановом бензине. Корпус танка был на заклепках. Так что в бою при попадании снаряда в танк заклепки вылетали, бензин мгновенно вспыхивал, поролоновые обои стенок тоже пропитывались бензином из-за чего огонь уже невозможно было потушить и танкисты, даже не раненные, просто не успевали выпрыгнуть из горящего танка. На этот счет было много пословиц. «На тебе боже, что нам не гоже». Или: «Америка России подарила М-3с, шуму много, толку мало и высокий до небес». И еще, чем были не удобны эти танки, так это тем, что к ним не было никаких запчастей, диаметры пушек и пулеметов отличались от наших Советских, поэтому, если отстрелял боекомплект, то не скоро пополнишь. Но зато при получении нового танка, обязательно в бое укладке или где-либо в уголку, укромном месте найдешь подарок от английских рабочих: бутылку шампанского, шоколад, консервы и пакеты с бинтами, вату, пенициллин... Спасибо им за это. А вот американцы нас такими гостинцами не баловали.

Пришлось познакомиться и с немецкими танками. Это был тяжелый танк «Тигр». Тихоходный, с двигателем на бензиновом топливе, имевшем лобовую броню толщиной до 180 мм. и трудно пробиваемую пушками наших танков, с прекрасным прицелом. Другой очень грозной машиной был у них танк «Пантера». Это почти такой же, как наш Т-34, только опять с бензиновым мотором, а броня сверху была покрыта жидким асбестом против загорания от зажигательных бутылок во время уличных боев в городах и крупных населенных пунктах. После освобождения Старой Руссы немцы оказались в «мешке» длиной в 70 км. и имевшем перешеек всего в 4 км. Наше командование приняло решение к утру перерезать этот перешеек и тем самым замкнуть немцев в котле. Для атаки стянули много танков и артиллерии. Но утром выяснилось, что немцы незаметно вышли из котла, оставив большое количество боеприпасов и продовольствия. Много другой техники, но вся она была заминирована. Таким образом, операция по разгрому так называемой Демьяновской группировки завершилась неудачно из-за плохо сработавшей разведки. Да и немцы после Сталинграда стали очень бояться кружений.

Затем нас переименовали в 149 ремонтный батальон и направили в Москву. Там на одном из заводов скопилось очень много неисправной, горелой разбитой танковой техники, которую нам предстояло отремонтировать. Завод был огромный и находился где-то около метро «Сокол». Жили мы в каком-то досчатом бараке без коек на деревянных нарах. Работали по 12, а иногда и 14 часов в сутки. Работа очень тяжелая, почти вручную разобрать, отреставрировать, а потом собрать весь танк и все это на потоке. А питание уже было не фронтовое, а по 3 категории 600 г. черного хлеба и жидкий бульон очень скудное. Начинали болеть цингой, куриной слепотой, это так бывает днем ничего не замечаешь, а как закатилось солнышко и ты ничего не видишь! Вышел однажды я с проходной ремонтного завода, отстал от ребят и потерялся ходил до полуночи пока не наткнулся я на патруль. Они и отвели меня в

расположение нашей части. Все ждали когда нас отправят на передовую фронта. Но вот закончили ремонт танки направили на передовую, пошел 1944 год бои шли. На Украине уже за Днепром Киев был освобожден. Проехали городок Белая Церковь. Были еще зимой. Но снег растаял и вместо него шли дожди. Немец отступал по всему фронту. Наши тыловые части не успевали снабжать фронт топливом для танков и боеприпасами передовые линии фронта потому что не могли двигаться автомобилями. Тогда организованное население переносили снаряды и боеприпасы пешком по одному на человека. На корову ложили в мешки по два снаряда, и так, увязая в грязи, доставляли боеприпасы от одной деревни к другой. Все понимали, что от этого зависит успех на фронте. Население встречало нас с восторгом и радостью. Приглашали обедать домой, впервые мы узнали, что за три рубля можно было купить ведро картошки. В то время в России она стоила не меньше 100 рублей ведро. А в Москве в то время буханка хлеба на рынке стоила 200 рублей. По карточкам конечно дешевле. И вот немцы, воспользовавшись тем обстоятельством, что на тот момент наши тылы далеко отстали от передовых частей, решили вернуть себе Киев. Это грозило огромным котлом для нас, подобным Сталинградскому котлу для немцев. Срочно заработали наши штабы. Танки, штурмовая авиация, мотопехота окружили в районе Корсунь-Шевченковска немецкую ударную группировку - в составе 10-ти дивизий и одной бригады. Несмотря на скверную погоду, несколько дней шел дождь со снегом, но наши штурмовики делали невозможное. Танки и пехота заблокировали пути отхода фашистам, и после отказа сдаться в плен, начали их уничтожение. Очень немногим удалось вырваться из этого кольца ночами. Так была разгромлена немецкая группировка в районе Корсунь-Шевченко. После чего наши войска пошли еще быстрее, но осталось позади фронта много танков с различной сложностью дефектов и поломок. Командующий 6й танковой армии генерал Армии Кравченко приказал срочно отобрать опытных танкистов-ремонтников, выдать командировочное удостоверение и послать пешком, так как транспорт колесный пройти не может из-за сильной грязи. Дали мне на всякий случай автомат и всего лишь 18 патронов к нему. Дали карту с указанием возможного количества поврежденных или аварийных танков. Сколько и в каком направлении направили остальных, я не знал. Я должен найти танк, определить его техническое состояние, найти экипаж этого танка, если можно, а его могло и не быть уже в живых. Затем помочь отремонтировать, если можно и направить в часть. Или же описать потребность необходимых деталей и запчастей. На второй день моего пути я нашел сразу два Т-34, неисправности были не большие, и к вечеру оба танка ушли на запад. Через сутки я нашел еще один танк, а экипаж нашел с помощью населения и головы сель рады. Я объяснил зачем пришел, ребята обрадовались, что их не забыли. Ремонт предстоял сложный и мы решили приступить к ремонту с завтрашнего утра. Экипаж должен был усилить охрану танка, потому что Бендеровцы уже пытались обложить танк соломой и поджечь. Меня оставили ужинать и на ночлег в доме головы сель рады, в семье которого была шустрая молодая и красивая женщина. На счет питания у нас проблем не было. Любая хозяйка при встрече предлагала пообедать с ней или дать в дорогу пирожки с горохом, картошкой или тыквой. Украинские же пирожки, как известно величиной с лапоть и все к тому же с сахаром. Ведь на Украине сахарные заводы чуть ли не в каждой деревне, а свекла лежала в полях большими буртами до самой весны и была прикрыта лишь соломой. Местные жители брать свеклу в поле может быть и боялись, а солдаты приносили хозяйке, где временно проживали или просто останавливались на ночлег олунок свеклы и за него могли выменять штук 8 бутылок (0.5 литра) крепкого самогона. Водяная мельница круглосуточно молола зерно населению, но солдатам помол делали без очереди и без гарцев. Из всего этого понятно, что даже одиночка-солдат по какой либо причине отставший от своих всегда будет накормлен, сыт и обогрет. Поэтому солдаты, когда зашли на Украину, то стали говорить, что «перешли на бабушкин аттестат». Встречали нас там очень тепло и душевно. Были, конечно и исключения из правил, но днем таких мы не замечали.

Так вот я с этим танком провозился не менее трех дней. Можно и раньше, но мешал самогон и прочие. Кое-как проводил я этот танк по основной дороге, а мне нужно зайти в деревню в лес под названием «Манькивка». Деревня красивая на опушке леса и быстро нашел танк ребяташки привели мне танкистов. Я осмотрел танк испросил еще какие неисправности, оказалось главной причиной неисправности являлось то что во время танковой атаки водитель не усмотрел впереди стоящие надолбы, вернее спиленные выше полуметра

деревья. А клиренс танка или высота днища танка от плоскости земли 40 см. Поэтому танк при движении завис днищем на пень, а молодой экипаж не смог ничего предусмотреть как ждешь подмоги буксир. Я приказал срубить бревно в виде телеграфного столба положил поперек танка под гусеницы, привязали столб тросом к обеим гусеницам. Запустили мотор, включили скорость, и танк сам сполз с пня! Я записал себе в командировочное удостоверение номер танка, причину поломки и время выхода из ремонта. Танк ушел по маршруту к фронту я переночевал здесь же у знакомых этого экипажа. А на утро поправавшись с хорошими хозяевами, пошел по карте к следующему объекту. Попадались сгоревшие и разбитые танки, но они не входили в мои функции. Весна подходила быстро. Подсохла земля, просыхали дороги. Люди копошились в огородах. Фронт ушел уже к границе Бессарабии. Я немного отстал от графика и надо было спешить. На утро хозяйка дала мне пару гороховых пирожков в дорогу и предупредила, что бы я был осторожен, особенно в лесу, где могут быть Бендеровцы. Я подумал: «У меня только автомат и всего 18 патронов к нему, а это очень мало».

Воткнул рожок с патронами в автомат и пошел вперед. До следующей деревни было 10 километров и дорога шла именно через тот лес. В пути уже я догнал трех женщин, которые несли сахар в мешках. В соседней деревне был сахарный завод. При отступлении немцы завод взорвали, и местные жители брали сахара сколько, сколько могли унести. Шел я вместе с ними по лесной дороге, вдруг слышу - разговаривают. Но вдруг одна из женщин толкнула меня в бок и тихо сказала: «Бендеровцы». Действительно я увидел трех человек в черных шляпах почему-то на расстоянии метров 80. Я отскочил в лес за пенек и спрятался, а женщины пошли прямо. Они остановили женщин, начали ругать за то, что они предупредили меня. Высыпали сахар из их мешков и проводили пинками вдоль дороги. Мне начали кричать, чтобы я вышел к ним, иначе обещали все равно убить. Потом стали стрелять в мою сторону из немецкой винтовки, а я стал отстреливаться из автомата одиночными выстрелами. Это длилось более получаса и вдруг они прекратили преследовать меня и стрелять. Я подумал, что они окружают меня в этом лесу. Но послышался громкий разговор и я увидел, что навстречу мне идут человек 10 русских солдат и впереди ведут этих троих бендеровцев. Я очень обрадовался этой встрече с солдатами и рассказал, что они меня хотели убить и отобрать командировочное удостоверение и автомат. Значит они за мной следили еще раньше в деревне. Бендеровцев солдаты куда то увели и я прибавив шаг пошел к следующей деревне. Не доходя до деревни я увидел много людей и понял, что это могилки, а народа много потому, что сегодня поминальная неделя, так мне объяснили. Нехотя зашел я на могильник, а сам еще трясусь от встречи с бендеровцами и тут мне объяснили, что на могилках тебя никто не тронет и все на перебой, старики и старушки начали меня угощать различными заморскими винами - видно немецкие трофеи и закуски тоже всякие. Около каждой могилки с крестом расстелена постынь или скатерть и на ней полно наставлено разнообразных напитков и закусок и каждый тянет за рукав к своему застолью и просит чтобы я, солдат помянул их умерших или убиенных, а поскольку я один солдат среди них то старики даже соперничали за меня. Отказываться от этого обычая было не удобно, тем более они успокоили меня, что здесь никто меня не тронет, только не отказывайся уважить живых и помянуть умерших. Больше я ничего не помню, что и сколько я пил и чем закусывал не помню и почему никто не взял меня ночевать, а оставили здесь?

Проснувшись среди ночи, я почувствовал, что замерзаю от земли, а где я и что со мной? Почему то я обнял деревянный крест, а сам лежу на могилке. Вот тут я протрезвел от испуга припомнил куда я заходил днем. Быстро глазами стал искать и вспоминать выход с кладбища чтобы попасть к ближайшей хате. Ворота были открыты вдруг со стороны домика бежит и говорит приятные слова, тихо завет меня к себе, подбежала ко мне вижу и слышу по голосу - женщина. Схватила меня за руку и бегом побежали мы к домику завела меня в угол и позакрывала за собой крючками и задвижками двери. Сама меня успокаивает, что в хату никто не войдет. А на могилках убивать запрещено и бендеровцы тоже ночью ждали чтобы я вышел с могилки и тут схватить меня. А женщина тоже ждала чтобы вывести меня и спрятать. В доме она почему то ни кого не боялась, потому что знала их всех в лицо. Хотя было почти летнее время, но среди ночи застыл я здорово. Быстрыми движениями рук хозяйка налила в корыто горячей воды и начала меня купать. При этом она говорила: «Иначе ты непременно заболешь». Я ни в чем ей не сопротивлялся. После купания она положила рядом кальсоны и рубаху своего мужа и велела одеться как перед смертью. Налила мне рюмку самогона, а на

столе стояла миска с кислой капустой. Я выпил, закусил капустой и повалился в постель. Она приговаривала: «Хоть ночь не спала, но живым тебя укараулила. Теперь спи до утра». Свет, конечно, она не зажигала. В окно светила луна. Нам все было видно. А разговаривали мы только шепотом.

Проснулся я уже при солнышке. Завтрак – пирожки с капустой и сахаром, к тому времени был готов. И только тут она призналась, что все время за мной следила, что в бок толкнула меня тоже она, чтобы как-то предупредить. Что это тот сахар, который принес бендеровец. Еще она говорила: «Я их не особенно боюсь. Я знаю за ними много грешков, а иначе за такие вещи они и хату могли б сжечь!». Хозяйка предложила еще рюмочку. Я пригубил и выпить всю не смог. В знак безграничной благодарности за свое спасение я оставил хозяйке свой домашний и фронтовой адрес, а у нее попросил ее адрес.

Дальше я решил не рисковать. Вышел на дорогу и на первой же попавшейся машине к фронту!

Свою часть долго искать не пришлось. Нашел свой штаб. Доложил о проделанной работе и пошел в расположение своего подразделения. А расположились мы в бессарабской деревушке Фолешти (в районе г. Сороки). Танки стояли под большими черешнями и разного цвета сливами. Много кругом винограда, а яблонь я видел что то мало. В это время наши войска завершили Яссо-Кишеневскую операцию. В результате которой отрезали Болгарию и Румынию от центральной группировки немцев. В это время мне пришлось видеть, как работают в бою собаки-миеры или как там по-японски самураи камикадзе, что ли? Делается это так, собирают любых собак долго их не кормят, а потом дают пищу только под танком. На ходу собака быстро привыкает, что пища будет только под танком, а на спину прикрепляют мину с антенной к взрывателю. (Чтобы наших танков близко не было). Собака, учуяв гул мотора и с траншеи выпускают на немецкий танк голодную собаку и дело сделано танка нет. Это было здесь в Молдавии. Это я видел и в глубоких снегах под Старой Руссой. Только под Старой Руссой собаки были и санитары, на них же в упряжке 2-4 собаки тянули какое-то деревянное корыто и в нем раненый солдат вот она голодная и тянет корыто с раненым к кухне.

В Румынию мы зашли без больших боев. Да ее и бомбили мало. Только город нефтяников Плоешти разбомбили «Летающие крепости» - так мы называли американские тяжелые бомбардировщики. Это название видимо связано с тем, что все жизненно важные узлы этих самолетов были защищены броней, а бомбометание они вели с большой высоты. Другие города Румынии, в том числе и столицу – Бухарест – не бомбили.

Премьер министр Румынии Антонеску, куда-то исчез, а молодой король Михай подписал Акт о капитуляции. Это было с большой радостью воспринято всей Румынской армией и народом Румынии. Отдельные Румынские воинские части стали вместе с нами воевать против немцев.

Видел я их танки, как моторные инвалидные коляски, но прикрытые тонкой броней. Экипаж два человека – водитель и пулеметчик. Мотор располагался по середине. Участие Румынской армии в войне против нас было почти символическим. Население относилось к нам уже как к освободителям. В целом народ жил бедно. Ходили в длинных полотняных белых рубахах, шляпах, а на ногах из сырой кожи поршни (обувь). Много овец. Ездят на буйволах вместо быков. Хлеба едят очень мало. Основная еда – мамалыга, а попросту – каше из кукурузной муки. За три рубля один пастух или чабан разрешил мне: «Выбирай любой баран». Выбрали самого большого. Зарезали, стали варить, а мясо не варится. По-видимому старого взяли. За нашими деньгами они гонялись, просто не знали цену рублю. Часто угощали фруктовым самогоном, а когда мы и за деньги покупали. Но были и случаи умышленного отравления солдат. Тогда мы стали заставлять отпить сначала хозяина или хозяйку, и только уже потом угощались сами. Однажды Румынский генерал в отставке пригласил меня в дом. Много рассказывал о том, как он воевал в горах и был комендиром вьючно-гаубичного полка, поэтому хорошо знает русский язык. На прощанье угостил меня стаканчиком рома. Хороший напиток.

И так мы прошли Румынию с небольшими боями, особенно после ее капитуляции. Но вот как только зашли на Венгерскую территорию тут начались бои. Особенно сильное сопротивление немцев и венгров было за взятие Будапешта, бои шли всю зиму. За время боёв под Будапештом наши войска там потеряли около 400 тысяч человек. Госпиталей

располагавшиеся в ближайших городах были полны ранеными. Население было настроено враждебно. Люди прятались от русских солдат не только молодежь, но и пожилые. Были случаи заходили в дом, а там все на месте, даже горит керогаз на кухне, а людей на кухне нет. Может в лесу, может в подвалах или еще где. Населению внушали, что русские это черти с рогами, это безбожники и т.д. и действительно некоторые даже ощупывали, нет ли на лбу рог. При осмотре квартир, конечно безлюдных, мы видели насколько лучше они живут, чем румыны, хорошо обуты и одеты, в квартире несколько шкафов отдельных для мужской и женской одежды на все сезоны, различных головных уборов. В нижних полках шкафов множество различной обуви. В кладовках для продовольствия полочки заполнены банками консервированных фруктов и овощей. Внизу стоят мешки с орехами и мукой с немецкими марками и гостами. Это можно было видеть по всей Венгрии, где пришлось нам пройти дорогой войны. Конечно, мы брали то, что нравилось нам, так сказать, заочно с ними делились. Солдату много и не надо, может и этим он не успеет воспользоваться... длина жизненного пути солдату на дороге войны не ведома. К марту месяцу Будапешт был взят, но во дворце старого города Буда осталась окруженная группировка около девяти тысяч немецких и венгерских солдат и офицеров. Окружение было прочным, и они не могли прорваться. Гитлер приказал не сдаваться, и обещал оказать помощь, с самолетов начали сбрасывать продовольствие и боеприпасы, но территория замка была настолько мала, что большинство грузов приземлялись в Дунай или на территорию занятую нашими войсками. Дунай разделяет город на две части. Буда – старый город с дворцом и Пешт – новый город с широкими улицами и площадями. Соединялись эти два полу города шестью красивыми мостами, висящими над Дунаем на цепях. Переправлялись войска по понтонному мосту, потому, что все шесть красивцев мостов были взорваны немцами при отступлении. Буда и крепость – дворец были тоже сильно разбиты при штурме уже нашими войсками. Что бы избежать напрасного кровопролития наши послали двух парламентаров с требованием сдаться, но немцы расстреляли их. 6-я танковая гвардейская Армия в состав которой входил и наш 150 отдельный танкоремонтный батальон (ТРБ), преодолевая отчаянное сопротивление противника, с боями спешил в Чехословакию. Перед вступлением на ее территорию нам зачитали приказ, в котором говорилось, что мы заходим в дружественное нам славянское государство, что любое изъятие каких-либо предметов или пищи будет считаться мародерством и соответственно караться судом трибунала. Некоторые солдатики, привыкшие к вольнице в Венгрии по привычке по привычке пробовали озорничать и лишь за кувшин молока или бутылку вина попали в штрафную роту. Здесь это считалось уже мародерством, хотя в Венгрии брали и резали свиней, индюков на больших птицефермах, и это не считалось мародерством, а было военным трофеем. Разрешалось один раз в месяц отправить домой посылку, как трофей, но этим правом пользовались только передовые части. Как только перешли границу СССР нам стали платить каждому оккупационными деньгами столько же, сколько было положено по штату получать советскими рублями. Только наличных рублей нам не выдавали на руки, а перечисляли каждому солдату на сберегательную книжку. Например если мне шло 30 рублей на книжку, то в Румынии мне еще выдавали 30 Румынских лей, а в Венгрии 30 венгерских пенгов и т.д. Деньги выплачивали в соответствии с воинским званием и занимаемой должностью. К тому времени я имел звание старший сержант и занимал должность старшины ремонтной бригады танков, причем всех марок, даже иностранного производства.

Быть в Чехословакии долго нам не пришлось. Думали, что через несколько дней войдем в Прагу, как вдруг приказ всей огромной 6-й танковой армии, и конечно нам, срочно вернуться в Будапешт, переправиться через Дунай (опять же по понтонному мосту) и занять оборону около озера Балатон. Это 40 километров от Будапешта, где в королевском дворце Буды находилась в блокаде немецкая группировка. Чтобы выручить ее из окружения, а может и снова захватить весь Будапешт, Гитлер срочно снял с Болгарского фронта самые лучшие танковые и механизированные воинские части и направил их к озеру Балатон, навстречу нашей 6-й гвардейской танковой армии, которая там их уже ждала. Примерно в середине марта 1945 года встретились несколько сот боевых танков и для каждой стороны это был важный и решающий бой. Если немцам удастся прорвать нашу оборону, то они деблокируют свою группировку в Буда и могут снова занять весь Будапешт. Если же мы устоим и разобьем их под Балатоном, то немцам уже нечем будет держать юг Румынии и всю Болгарию (забегая наперед скажу, что действительно Болгария была освобождена почти без

потерь) и они не смогут выручить из окружения свою группировку в Королевском дворце Будапешта.

Наша 6-я танковая армия прошла с боями всю Венгрию до Чехословакии, затем внезапно вернулась обратно за Будапешт, и конечно техника в боях и переходах изрядно потрепалась. Часть танков была не боеспособна и требовался их срочный ремонт. Этим мы сразу и занялись. Погода в этот день была пасмурной и прохладной. Хотя признаков прошедшей зимы не было. (Там зима бывает всегда теплее, а весна наступает раньше, чем в нашей местности. Так вот, работали мы весь день без перекуров и закончили, когда стало совсем темно. Продолжать работать со светом было нельзя, т.к. нарушалась светомаскировка, недалеко противник. Неподалеку увидели полуразрушенный домик. В нем и решили переночевать, расположившись на скамейках, на полу, на досках - кто где смог пристроиться. Во второй половине домика устроились на ночлег какие то другие солдаты. «Значит, они и выставят охранение» - думали мы. Я расположился на досках, около оконного проема. Все крепко спали. Вдруг среди ночи прогремел взрыв в соседней половине дома. Мы, конечно, все понимали, что это диверсия или разведка. Я только подскочил к окну, как по животу ударилась шипящая немецкая ручная граната. Я быстро схватил ее левой рукой и выбросил через правое плечо обратно в окно. Я не успел убрать руки, как граната взорвалась, но уже за окном. Взрывом мне раздробило ладонь левой руки и оглушило. Больше я ничего не помню. В сознание пришел только в санитарной машине с перевязанной рукой. Спутниками моими оказались несколько человек с различными ранениями из соседней половины дома. Они говорили, что среди них были и убитые от первой гранаты и что я предотвратил свою смерть и спас от гибели своих товарищей. На этой машине нас довели до Будапешта, где располагался санбат. Дали нам по куску хлеба с маслом и начали отправлять в больших машинах по госпиталям. Меня с ранением верхней конечности отправили в город Дебрецен. Госпиталь №29-72 располагался в огромном 3-х этажном здании бывшей женской гимназии. Все прошли через санпропускник, где нас помыли, переодели в госпитальное белье и началось лечение - кому какое нужно. Мне сделали операцию. Выпилили осколки металла и раздробленные косточки кисти левой руки. Питание было отличное. В то время как в Советском Союзе мы знали, что с питанием было очень плохо. Нам давали не только хороший: приварок на первое и второе блюда давали в обед со свежих фруктов компот и обязательно 300 грамм виноградного вина и ещё давали на второй под завтрак перед обедом часов в 10 кусок белого хлеба с маслом и стакан чаю или свиное сало 30 грамм.

Иногда был конфуз. Среди нас было много мусульман с Кавказа и Средней Азии. Они наотрез отказывались брать свиное сало говорили что «Мой корсак (желудок) не может кушать свинья» и тогда сестры ходили на кухню чтобы обменять на масло, или менялись с нами, все равно 30 гр. того или другого. Жаль только, что от виноградного вина никто не отказывался, уж я это знал потому, что когда стала рука заживать то меня пригласили в столовую раздавать вино для всего отделения больных, а в отделении госпиталя более 100 человек. Обычно на этой должности люди менялись через каждые 2-3 дня, выгоняли их за пьянства. Но я продержался там долго. Недостачи не было, а вот излишки бывали часто и я отдавал их медсестрам, которые такого удовольствия, как вино, не получали по рации. Летом нам давали свежие фрукты: черешню, вишню, виноград. Всеми продуктами нас снабжали мадьяры т.е. венгры в счет репатриации или контрибуции. На мясо приводили живых коров, иногда приносили курей. Животных, здесь же во дворе госпиталя, забивали наши бойщики. В обеспечении продовольствием и особенно хлебом у мадьяр были большие трудности. Среди гражданского местного населения усиленно ходили разговоры, что Америка уже везет на кораблях по Средиземному и Черному морям и далее вверх по Дунаю в Венгрию ХЛЕБ. И конечно такое могло быть. Но наши (Сталин, СССР) не смотря на разруху на своей земле доставляли в Венгрию хлеб вагонами и опередили Американцев. В вагонах завозилась и соль. Не знаю почему, но соль была в большом дефиците. Я точно знаю, что 1 килограмм соли равнялся в цене килограмму сахара или бутылке рома. В результате войны и разрухи происходила девальвация - обесценивание денег. Стремительно поднималась волна инфляции. Ведь предприятия не работали. Остановились заводы, не стало никакой продукции, а денежная масса пенгов несоизмеримо возросла за счет эмиссии (печатания новых денег), и также введения в обращение наших оккупационных пенгов. Хотя те 30 пенгов, что я получал и ничего не стоили, как сейчас (1990 год) наш 1 рубль. Иногда мы ходили на

базар, но купить ничего было невозможно. Все было очень и очень дорого. На базаре было в изобилии овощей и фруктов. Сладкий перец продавался мешками. На каждом углу продавали хлопья жареной кукурузы, завернутые в бумажные кулечки. Тут же стояла плита на которой она жарилась.

Продавцы принимали любые деньги – рубли, доллары, пенги. Только вот рубли и доллары принимались по курсу в десятки и сотни раз дороже, чем пенг. Общаться с венграми мне показалось на много сложнее, чем с румынами. Румынский язык немного похож на итальянский, а венгерского языка говорят люди, что похожего в мире нет. Самые необходимые слово говорить и понимать я научился, ведь пролежал в госпитале я более восьми месяцев. У ворот госпиталя помню почти всегда стоял пожилой мужчин. Он в революцию был в плену в России и хорошо знал русский язык, поэтому служил толмачем-переводчиком для начальства и всем, кто к нему обращался. Здесь же в нашей столовой он и обедал. Однажды послали меня, как солдата мужчину вместе с двумя медсестрами просить у населения посуду для столовой, ведь у нас там ничего, кроме солдатского котелка не было. Так вот пришлось общаться с венграми, объясняя им по всякому и словами, какие знали, и мимикой и на пальцах, что там в госпитале русские солдаты, а посуды в столовой нет ни какой. И что же, нас понимали и чаще всего не скупясь отдавали тарелки, чашки, ложки, другую посуду. Набрали посуды столько, сколько могли донести. Начальство нас хвалило за то, что мы хорошие попрошайки. Тут мы поняли, что надо учить, хотя бы немного, язык той страны, где ты находишься. Я и сейчас немного помню необходимые слова, как венгерские так и молдавские, румынские. Они очень похожи. Могу попросить хлеба, воды, вина, соли и еще кое-что. Говорят, что кто-то из великих владел многими языками. Ведь это очень тяжело не путать слова, на каком языке ты хочешь сказать!

31

